

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Специфика заимствования китайских мифологических образов в японской культуре

Выпускная квалификационная работа по направлению 033000 Культурология
Основная образовательная программа: «Китайская культура»

Исполнитель:
Гордеев Сергей Вадимович

Научный руководитель:
к. филос. н.,
ст. преп. кафедры философии и культурологии Востока СПбГУ
Бертова Анна Дмитриевна

Рецензент:
к. филос. н.,
ассистент кафедры философии религии и религиоведения СПбГУ
Поляков Николай Станиславович

Санкт-Петербург

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Приложение.....74

Введение

Предлагаемая выпускная квалификационная работа посвящена проблеме заимствований китайских мифологических образов в японской культуре в аспекте проблемы кросс-культурного взаимодействия Китая и Японии.

В настоящее время китайская и японская культуры являются предметом не только научного интереса, но и массового, популярного. Бесспорно, это не в последнюю очередь связано с новым витком динамического развития Азиатско-Тихоокеанского региона в эпоху экономической и культурной глобализации, где Китаю отводится роль традиционной исторической культурной доминанты для остальных стран Дальнего Востока и сопредельных с ним стран Юго-Восточной Азии (прежде всего Вьетнама). Япония же смогла утвердиться как родоначальник азиатского аналога западному современному искусству, поп-культуре, расширяя своё культурное влияние как в регионе, так и по всему миру¹.

¹*Катасонова Е.Л.* Мураками Такаси и его теория суперплоскости . – В сб. Япония 2011. Ежегодник. М.: «АИРО-XXI», 2011. – с.167.

Актуальность исследования. Изучения различных аспектов культур стран синосферы² в настоящее время является одним из ведущих академических сюжетов, а его популярность в науке во многом объясняется необходимостью лучшего понимания современных китайско-японских отношений и прогнозирования вариантов их дальнейшего развития. Разное видение и понимание учёными этих стран специфики взаимодействия китайской и японской культуры способствовали формированию негативных факторов в различных областях китайско-японских и корейско-японских отношений. За текущими процессами интеграции в Восточной Азии в экономической, политической, культурной сферах³, Япония – с одной стороны, а Корея и Китай – с другой, пытаются придерживаться национальных устоявшихся стереотипов в понимании и осознании местной культуры и культуры своего ближайшего соседа⁴. В частности, «японская сторона»⁵, рассматривая собственную культуру, неизменно подчеркивает самобытность японской нации, которая в силу географического расположения⁶ и исторической конъюнктуры развивалась автохтонно, без насильственного внедрения чужеземных элементов⁷. Причем, иногда отрицается не только влияние китайской культуры, но и трансмиссионная (между Китаем и Японией) роль Кореи. Таким образом, наблюдается весьма сложный характер отношений между ведущими экономическими и политическими игроками региона, вызванный различным видением исторических, а стало быть, и культурных, событий в Восточной Азии, а

²Китайская культурная сфера, охватывающая ряд стран Восточной Азии, чья культура и письменность формировались под влиянием китайских (ханьских) образцов.

³ Япония, открытая миру / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI. 2007. – с.39-66.

⁴Япония, открытая миру / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI. 2007. – с. 40-41.

⁵Китайско-корейская сторона, в свою очередь, может слегка недооценивать историческую, географическую, ментальную специфику Японии, в ходе изучения процессов заимствования японцами тех или иных аспектов континентальной культуры.

⁶ История древней Японии: Учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. – М.: Наталис, 2010. – с.13.

⁷Там же, с.23-24.

также нежеланием всех сторон учитывать мнение оппонента. Тем большую остроту приобретает изучение всех составляющих элементов, включая малозначительные, казалось бы, нюансы, истории кросс-культурного взаимодействия стран синосферы и культурных контактов между непосредственно Китаем и Японией.

Итак, **актуальность** предложенного исследования определяется, прежде всего, необходимостью расширения научных знаний о специфике хода истории кросс-культурного взаимодействия стран синосферы для лучшего понимания текущих процессов взаимоотношений между Китаем, Кореей и Японией, причем не только в духовной, но и в политической и экономической жизни стран Дальневосточного региона.

Новизна предложенного исследования проистекает из факта обращения к опорным для традиционной культуры стран синосферы мифологическим образам.

Степень разработанности проблемы. Мифологические представления Китая и Японии находились в центре внимания исследователей, начиная приблизительно с середины XIX в. Для отечественного китаеведения это, прежде всего, работы С. М. Георгиевского (1851-1893)⁸. Из последующих российских (советских) исследователей назовем Н.И. Конрада (1891-1970), одного из первых отечественных учёных, кто отметил серьёзное влияние Кореи на развитие японской культуры; а также Э. М. Яншину⁹, выполнившую, помимо сугубо исследований, перевод *«Шань хай цзина»* («Канон/Книга/Каталог гор и морей»), одного из базовых памятников для изучения китайских мифов¹⁰.

⁸Его основная работа на эту тему – «Мифические воззрения и мифы китайцев», была опубликована (СПб) в 1982 г. Современное переиздание: Георгиевский С. М. Мифические воззрения и мифы китайцев. С таблицами китайских иероглифов / Серия «Академия фундаментальных исследований: мифология, религия, атеизм». М.: «Ленанд», 2015. – 152 с. О вкладе этого ученого в изучение древнекитайской мифологии см.: Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Т. 2.: Мифология. Религия / ред. М.Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература, 2007— 869 с. С. 25-26.

⁹Яншина Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. – 248 с.

¹⁰Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / Предисловие, перевод и комментарий Э. М. Яншиной. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977. — 234 с.

К проблеме влияния китайской мифологии на японскую обращались многие зарубежные исследователи, среди которых стоит выделить имена прославленного нидерландского филолога, этнографа и востоковеда М.В. де Фиссера, который был учеником другого выдающегося синоведа и религиоведа Я.Я.М. де Гроота, исследователя японской мифологии и синтоизма К.А. Смайерс, востоковеда, специалиста в области искусствovedения и фольклористики К.М. Болла, знаменитого японского историка Иэнага Сабуро (яп. 家永三郎), философа и фольклориста Янагита Кунио (яп. 柳田國男), а также китайских учёных искусствоведа Цзя Баохуа (кит. 賈寶花) и выдающегося исследователя китайской мифологии Юань Кэ (кит. 袁珂).

Среди отечественных исследователей истории и мифологии стран Дальнего Востока, чьи утверждения и гипотезы учитывались при написании данной работы, стоит выделить М.Е. Кравцову, сделавшую немалый вклад в изучение мифологического наследия Древнего Китая, выдающихся исследователей китайских традиционных культов и религиозных систем К.М. Тертицкого, И.А. Алимова, Л.С.Васильева, В.В. Малявина, историка-кореиста, видного переводчика В.М. Тихонова, учёных А.Н. Мещерякова, М.В. Грачёва, посвятивших своё научное творчество изучению широкого спектра исторических, антропологических, религиоведческих, искусствovedческих проблем в области японистики, советского востоковеда исследователя японской религии синтоизм А.А. Накорчевского.

Тем не менее, в современном востоковедении в рамках исследований мифологии стран синосферы до сих пор остается в силе проблема, связанная со сложностью отделения привнесённых (исходно китайских) концепций от «эндемиков» в той или иной культуре Дальнего Востока. Предлагаемое исследование нацелено на внесение вклада в решение этой проблемы.

Цели и задачи исследования. Исходя из сказанного выше, целью предложенного исследования являлось осмысление процесса заимствований

опорных для культур синосферы образов мифологических персонажей. Заявленная цель конкретизируется в следующих задачах:

- проследить характер и ключевые особенности становления культуры, общества и государственности в Японии и в соседней Корее в период установления окончательной гегемонии китайской цивилизации в Дальневосточном регионе ;

- выявить масштаб и значимость китайско-японских и корейско-японских отношений на момент первых взаимодействий Японии с континентом (во временных границах примерно до периода Нара в японской историографии, т.е. до начала VIII в.);

- систематизировать накопленные сведения о различных мифологических персонажах, распространённых в Восточной Азии;

- проанализировать ход усвоения и трансформации наиболее распространённых в японской культуре китайских мифологических персонажей (в их число вошли следующие существа: дракон-лун, лисица-оборотень вместе с енотовидными собаками, китайский феникс *фэн-хуан*);

- выявить основные механизмы заимствования и переосмысления китайских мифологических образов в японской культуре;

- установить роль сино-японских и корейско-японских кросс-культурных контактов (до VII–VIII веков) в развитии этих самобытных ветвей дальневосточной цивилизации в рамках анализа заимствования и усвоения китайских мифологических сюжетов и образов в японской культуре.

Объектом исследования данной работы являются образы опорных для китайской и, особенно, японской культуры мифологических персонажей.

Предметом исследования является процесс культурного влияния Китая на Японию, имевший место в рамках мифологии, религиозных представлений, фольклора.

В качестве **теоретическо-методологической основы** данного исследования использован принцип историзма, позволивший проследить

трансформацию разбираемых образов в различной этнокультурной среде. При анализе конкретных явлений китайской и японской религиозной культуры использовались также положения и выводы, содержащиеся в трудах отечественных и зарубежных исследователей: М. Е. Кравцовой, Л. С. Васильева, М. В. Фиссера, К.М. Болла, Тихонова В. М. и др.

Хронологические рамки исследования при рассмотрении первых кросс-культурных контактов между Японией и континентальными государствами охватывают преимущественно период с IV-III вв. до н.э. по V-VI вв. н.э. В исследовании отдельных мифологических образов в культурах Китая и Японии затрагивается по большому счёту временной промежуток с VII-VIII вв. по XIX в.

Источниковая база. В исследовании использованы следующие основные группы источников: 1) Работы по истории и истории культуры Китая и Японии, в первую очередь это – совместный проект «История древней Японии» учёных А.Н. Мещерякова и М.В. Грачёва¹¹, коллективная монография «Древние китайцы в эпоху централизованных империй» М.В. Крюкова, Л.С. Переломова, М.В. Софронова и Н.Н. Чебоксарова¹², где достаточно широко освещены проблемы становления особенностей культуры, государственности, этнического самосознания древних китайцев в III в. до н.э.–III в. н.э. 2) Исследования по древнекитайской мифологии и китайским религиям, включая популярные верования, такие как работа «Культ лисы в Маньчжурии в 1920-1940-е годы» К.М. Тертицкого¹³, сборник «Мифы и легенды Китая» Э. Вернера¹⁴, исследовательский труд «Культы,

¹¹ История древней Японии: Учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. – М.: Наталис, 2010. – 544с.

¹² Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. – М.: Издательство «Наука», 1983. – 415с.

¹³ Тертицкий К.М. Культ лисы в Маньчжурии в 1920-1940-е годы // Религиозный мир Китая 2005. М., 2006. – с.273-305.

¹⁴ Вернер Эдвард. Мифы и легенды Китая / Пер. с англ. С. Фёдорова. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – с. 365.

религии, традиции в Китае» Л.С. Васильева¹⁵, «Чжунго шэньхуа-чуаньшо цыдянь» 中国神话传说词典 («Словарь мифов и легенд Китая») Юань Кэ¹⁶. 3) Исследования по мифологии и религиозным представлениям Японии, среди которых стоит выделить работу «Синто» А.А. Накорчевского¹⁷, энциклопедию «Японская мифология» Н. Ильиной¹⁸. 4) Некоторые китайские, корейские и японские источники летописного или фольклорного характера, в том числе трактат «Вэйчживожэнь-чжуань» (кит. 魏志倭人傳 – «Предания о людях Ва из истории государства Вэй»), раздел «Важэньчжуань/чуань» («Жизнеописание / Предание о людях Ва») из официального историографического сочинения «Сань гочжи» (кит. 三國志 – «Трактат о Трех царствах»)¹⁹; сборник корейской поэзии «Ёнбиочхонга» (кор. хангыль – 용비어천가, ханча – 龍飛御天歌 – «Ода о драконах, летящих к небу») в переводе Е.Н. Кондратьевой²⁰, древнеяпонские памятники «Нихонсёки» (яп. 日本書紀 – «Записанные кистью анналы Японии») в переводе Л.М. Ермаковой и «Кодзики»(яп. 古事記 – «Записи о деяниях древности») в переводе Н.

¹⁵ Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. 2-е изд. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 488с.

¹⁶ Юань Кэ 袁珂. Чжунго шэньхуа-чуаньшо цыдянь 中国神话传说词典 («Словарь мифов и легенд Китая»), Шанхай: Шанхайское издательство словарей и справочников, 1985. – с

¹⁷ Накорчевский А.А. Синто. – 2-е изд., испр и доп. – СПб.: «Азбука-классика»; «Петербургское Востоковедение», 2003. – 448с.

¹⁸ Ильина Н. Японская мифология: Энциклопедия. – СПб.: Мидгард, 2007. – 460с.

¹⁹ Составлено Чэнь Шоу (陳壽 233-297) с комментаторской частью Пэй Сун-чжи (裴松之 372-451). Памятник неоднократно переиздавался, использовано издание: Сань го чжи / Чэнь Шоу чжуань, Пэй Сун-чжи чжу (三國志 / 陳壽撰, 裴松之注 Трактат о Трех царствах / Сост. Чэнь Шоу, коммент. Пэй Сун-чжи). В 5 т. Пекин, Чжунхуашуцзюй, 1987. – 1510 с.

²⁰ Ода о драконах, летящих к небу / пер. со среднекорейского, стихотворное переложение Е.Н. Кондратьевой; вступ. ст., пер. с ханмуна, прим. Е.Н. Кондратьевой, О.М. Мазо. – М.: Вост. лит., 2011. – с. 5-229.

Фельдмана²¹, японский буддийский сборник «Нихонрё:ики» (яп. 日本靈異記 – «Японские легенды о чудесах») в переводе А.Н. Мещерякова²².

Научная новизна и личный вклад автора заключаются в том, что впервые в отечественной гуманитарии и непосредственно в востоковедении (в рамках синологии и японистики) была предпринята попытка детального культурологического анализа механизмов интерпретаций китайских мифологических персонажей в японской культуре. Автором выдвинута гипотеза, что способы воспроизведения заимствованных фантастических образов²³ в японской культуре сводятся в основном к синкретической религиозной традиции и к особенностям фауны Японского архипелага, которая, в силу изолированности страны, богата эндемичными формами.

Теоретическая и практическая ценность работы заключается в том, что содержащиеся в ней авторские наблюдения и фактические сведения могут быть плодотворно использованы при разработке академических проектов по изучению культурного взаимодействия стран синосферы также в лекционных курсах по истории культуры и религий Китая, Японии и Дальнего Востока

Исходя из заявленных цели и задач исследования, предложенное выпускное квалификационное сочинение состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложений.

Во введении обосновываются научная актуальность и новизна исследования, формулируются его цель и задачи.

Первая глава посвящена обзору первых контактов Японии с Китаем и Кореей (до VI–VII веков). Материалы, представленные в данной главе, и изложенные здесь выводы помогут подготовить почву для непосредственного анализа китайских мифологических персонажей в культуре Японии. Данный

²¹ Синто – путь японских богов: В 2 т. Т. II. Тексты синто. СПб.: Гиперион, 2002. – с.3-70.

²² Нихон рё:ики – японские легенды о чудесах: Свитки 1-й, 2-й и 3-й//Пер., предисл. и коммент. А.Н. Мещерякова. – СПб.: Гиперион, 1995. – 256 с.

²³ Фантастических животных из китайской мифологии.

историко-культурологический раздел работы направлен на создание общей картины понимания того, как сформировалось китайское основание мифологико-религиозной системы японцев, и какую роль в этом процессе сыграло население Кореи.

Во второй главе представлен сравнительный анализ некоторых мифологических существ Японии, имеющих континентальное происхождение. Этот раздел представляет собой стержневую часть всей работы, т.к. именно здесь была предпринята попытка по выявлению специфических черт заимствования китайских мифологических персонажей в культуре Японии. Структура данной главы строилась на сопоставлении оригинальных китайских портретов фантастических созданий с японскими интерпретациями их образов.

В заключительной части работы приводятся окончательные выводы по проведённому исследованию, а так же предлагается ряд рекомендаций по улучшению изучения кросс-культурных коммуникаций Китая и Японии. Список литературы состоит из 52 наименований: 39 на русском, 10 на английском и 3 на китайском языке. Представленные в конце работы приложения иллюстрируют и подкрепляют основные выводы исследования.

Глава 1. Обзор первых контактов Японии с континентальным культурным наследием

1.1. Особенности восприятия культуры в странах синосферы и специфика кросс-культурного взаимодействия Китая и Японии

В странах синосферы²⁴ сложилось своё оригинальное представление о культуре, отличное от сходных западных концепций²⁵. В Европе значение латинского слова «cultura» изначально имело агрономический характер и этимологически связывалось с возделыванием, обработкой почвы. Лишь позднее это слово стало трактоваться гораздо шире, таким образом, в современной западной традиции термин «культура» объединяет в себе различные биологические и социально-гуманитарные понятия²⁶.

Для дальневосточной традиции «культура» (как «вторая природа», всё то, что утрачивает первоначальную естественную форму под влиянием человеческого труда) изначально связывалась с процессом украшения, расписывания красками. В современных китайском, корейском, японском языках понятие «культура»²⁷ принято передавать словом 文化 (кит. – вэньхуа; кор. – мунхва, хангыль – 문화; яп. – бунка), в котором основной смысловой акцент падает на первый иероглиф – «вэнь» (文).

Основное значение иероглифа *вэнь* — «узор». А вот по поводу его этимологической истории имеется несколько версий. По одной, он происходит от пиктограммы, изображающей человеческое тело, украшенное символическим узором, могущим быть отождествленным с татуировкой²⁸. В пиктограмме чаще всего усматривают стилизованный рисунок правителя или персонажа жреческого типа в момент исполнения ритуального действия²⁹. Точный лексический смысл пиктограммы не известен, но так как её

²⁴Китайская культурная сфера, охватывающая ряд стран Восточной Азии, чья культура и письменность формировались под влиянием китайских (ханьских) образцов.

²⁵*Иэнага Сабуро*. История японской культуры. Перевод с японского Б.В. Поспелова. Издат. «Прогресс». Москва, 1972. – с.5-6.

²⁶ Культурология: Учебник / Под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. – М.: Высшее образование, 2005. – 69-71.

²⁷Близкое к западной традиции, как перевод латинского «cultura».

²⁸*Иэнага Сабуро*. История японской культуры. – с.5-6.

²⁹Лисевич И. С. Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков. М.: Наука, 1979. – с. 15-16.

употребляли исключительно в титулах обожествленных предков, наиболее вероятен ее магический смысл. В других версиях этимологии *вэнь* (они не опротестовывают религиозно-ритуальные истоки иероглифики), этот знак возводят к тому или иному орнаменту. Наиболее распространена точка зрения об его происхождении от переплетающихся нитей и древнейшем значении «тканый предмет», «тканое узорчье»³⁰ В текстах второй половины I тыс. до н. э. *вэнь* расшифровывается и как обозначение расписного узора, выполненного двумя контрастными — зеленой (*цин*青) и алой (*чи*赤) — красками. Учитывая, что эти цвета служили колористическими символами *Инь* (陰 – Женское начало) и *Ян* (陽 – Мужское начало)³¹, допустимо, что в понятие *вэнь* изначально была заложена идея общей гармонии мира³², выраженная, особо отметим, через визуальную образность. Помимо тканья и расписного орнамента, *вэнь* прилагался к любому типу узоров, как искусственного (роспись, резьба, тканый орнамент), так и природного происхождения (вереницы облаков, рябь на воде, сплетение ветвей деревьев, полосы и пятна на шкуре животных и т.д.)³³.

Когда именно понятие *вэнь* было перенесено на письменность, установить трудно. Есть все основания говорить, что на протяжении того же I тыс. до н. э. так обозначали любой письменный текст («словесный узор»). Одновременно в рамках философских учений, сформировавшихся на протяжении второй половины указанного тысячелетия, выкристаллизовался

³⁰Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006. Т. 3.: Литература. Язык и письменность/ ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература, 2008. — с.28.

³¹Учение об Инь-Ян, воплощающее представление о процессе космогонеза, об универсальной дуализированности мира и общих закономерностях мировых процессов, является одной из базовых концепций китайской натурфилософии: Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Восточная литература, Т. 1.: Философия / ред. М.Л. Титаренко и др. — с.271–272.

³²Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006. Т. 3.: Литература. Язык и письменность/ ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература, 2008. — с.28.

³³Высшим типом природных узоров выступает «небесный узор» (тяньвэнь天文) — звездное небо, передающее, через движение светил, расположение созвездий и прочие небесные феномены принципы функционирования и текущее состояние всего социо-космического универсума.

взгляд на *вэнь*, исходя из социально-политической и этических концепций. Иероглиф *вэнь* окончательно превратился в одну из центральных категорий китайской теоретической мысли, посредством которых передавались такие понятия как просвещенность, культура, цивилизация³⁴.

Сказанное позволяет заключить, что древние китайцы и народы, находившиеся под сильным китайским культурным влиянием³⁵, изначально мыслили «культуру», как деятельность, направленную на «украшение» жизненного пространства, творческое преобразование природной среды, плоды которой должны восприниматься, в первую очередь, визуально³⁶.

Такое специфическое восприятие культуры объясняет значимость искусства (прежде всего, изобразительного) в странах китайского мира³⁷. Данную особенность должен учитывать каждый исследователь Дальневосточного региона, в том числе и в рамках изучения мифологико-религиозного пласта культуры. Однако, как это ни странно, понятия и самого слова «искусство»³⁸ в культурах и языках Китая и Японии не было до

³⁴Слог *вэнь* входит и в современные термины из области культуры, например: «литература» - *вэньсюэ* (文學 «подражание *вэнь*»), цивилизация - *вэньмин* (文明 «свет *вэнь*»), «материальная культура» - «*вэнь*у» (文物 «предметы *вэнь*») и т. д.: Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006. Т. 3.: Литература. Язык и письменность/ ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература, 2008. — с.248.

³⁵ Традиционная японская культура: Специфика мировосприятия / Д.Г. Главева. – М.: Вост. лит., 2003. – с. 3-21.

³⁶Там же.

³⁷ Культурология: Учебник / Под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. – М.: Высшее образование, 2005. – с. 305.

³⁸Герасимова М.П. Особенности художественной культуры в Японии. – В сб.: Япония 2011. Ежегодник. М.: «АИРО-XXI», 2011. – с.111-112.

середины XIX века³⁹. Слово «художественность» как таковое по-прежнему отсутствует, как в китайском, так и в японском языках. Зачастую оно кажется почти непереводаемым (перевод всегда приблизителен и во многом зависит от контекста), хотя на протяжении всей истории Китая и Японии с точки зрения социокультурного значения роль первостепенной важности всегда принадлежала художественной культуре (тесно связанной с религией)⁴⁰.

При изучении сино-японских кросс-культурных отношений также стоит обращать особое внимание на географическое расположение Японии и соседних государств. Природный фактор во многом объясняет специфику развития культуры японцев. Например, изолированность японских островов⁴¹ способствовала формированию единой японской моноэтнической⁴² нации. В силу такой этнической предопределённости⁴³ японский менталитет всегда характеризовался стремлением к выборочному присвоению чужих традиций, что можно расценивать как некий защитный механизм. Можно отметить не так много культур, которые, как и японская, были бы способны впитывать влияния извне, оставаясь при этом самими собой⁴⁴.

Влияние Китая на японскую культуру с самого начала распространения плодов континентальной цивилизации в этой стране было очень велико. Это

³⁹В 1880-1890-х годах в ходе многочисленных реформ, направленных на модернизацию Японии после реставрации императорской власти *Мэйдзи* (1868), в результате знакомства с западной научной методологией, в том числе и с различными эстетическими теориями, в среде образованной части общества начались бурные дискуссии о том, что именно следует называть «искусством». Тогда же впервые была предпринята попытка перевести на японский язык европейское понятие «искусство» («Art»). Таким образом, в новом реформированном языке появились два слова: *бидзюцу* (яп. 美術) и *гэйдзюцу* (яп. 芸術). Первый термин можно (весьма условно) перевести как «мастерство красоты». Второй – «мастерство сценической игры» или «мастерство трюкачества». За словом *бидзюцу* постепенно закрепилось значение «изящные виды искусства в западном понимании». Слово *гэйдзюцу* обозначало также «технику», «способ, манеру действия». Стоит отметить, что оба этих неологизма употреблялись только по отношению к искусству Запада. В дальнейшем эти новые термины смогли утвердиться и в китайском языке.

⁴⁰ *Герасимова М.П.* Особенности художественной культуры в Японии. – с. 111.

⁴¹ *Культурология: Учебник / Под ред. Ю.Н. Солониной, М.С. Кагана.* – с.299-300.

⁴²По отношению к Китаю справедливо лишь утверждение о культурном господстве «ханьского» (собственно, китайского) этноса, однако исторически сложилось так, что эта страна является полиэтническим государством.

⁴³ Там же, с.156-158, 224.

⁴⁴*Иэнага Сабуро.* История японской культуры. Перевод с японского Б.В. Пospelова. Издат. «Прогресс». Москва, 1972. – с.13.

воздействие проникло во все сферы жизни японцев, в том числе в систему верований, мифологию, изобразительное искусство и словесность⁴⁵.

Истоки некоторых различий между культурами Китая и Японии можно проследить на основе соотнесения различных исторических, этнопсихологических, географических факторов. Допустим, что существует «изначальный культурный очаг» определённого региона и его «внешняя оболочка», пояс периферии⁴⁶. Если следовать данной формулировке, то имеющуюся разницу в системе культурных традиций обеих стран следует связать с тем, что Китай – первородная «ядровая культура», а Япония – дочерняя культура. Проблематика такого подхода в изучении кросс-культурных взаимоотношений выражается в формировании предвзятости по отношению к одной из рассматриваемых сторон (как правило, к «дочерней»). Поэтому из вышеизложенного суждения не следует, что правомерно рассматривать японскую культуру только лишь в качестве провинциального варианта культуры Китая⁴⁷.

Китайские модели, конечно же, не всегда оставались неизменными в процессе становления собственно японских аналогов в тех или иных областях. Позаимствовав ряд обычаев и идеологических принципов⁴⁸, являвших собой китайско-корейскую амальгаму континентального знания, японцы в дальнейшем смогли сформировать свою особую культуру, в том числе систему религиозно-мифологического мировоззрения⁴⁹.

⁴⁵ Учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. – с.22-24.

⁴⁶ Культурология: Учебник / Под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. – с.302.

⁴⁷ *Иэнага Сабуро*. История японской культуры. – с.12-13.

⁴⁸ *The Cambridge history of Japan. V.1. Ancient Japan* / edited by Delmer M. Brown, Cambridge University Press, 2008. – p.168.

⁴⁹ Несомненно, это во многом связано с изолированным, островным положением страны, благодаря которому целый пласт автохтонных верований смог сохраниться в своём первоначальном виде почти без изменений, гармонично сосуществуя с привнесёнными извне элементами.

Древним китайцам удалось первыми из всех народов Восточной Азии⁵⁰ выработать основные положения⁵¹ для строительства великой цивилизации.⁵² Китайская культура, как элемент самого передового сообщества в регионе, постепенно распространялась в Азии не только в ходе присоединения различных областей к древнекитайскому государству, но также благодаря инициативе соседних народов, заинтересованных в её усвоении⁵³. Немалую роль по вовлечению⁵⁴ молодого японского этноса в становлении общего Дальневосточного культурного пространства сыграли жители Корейского полуострова⁵⁵. В ходе установления первых корейско-японских коммуникаций, помимо проникновения на японский архипелаг различных сельскохозяйственных технологий и кустарных производств, в японской культуре могли впервые закрепиться какие-либо мифологические концепции и персонажи, относящиеся к автохтонному корейскому субстрату, популярным древнекитайским воззрениям или представлявших собой их специфический сплав.

1.2. Развитие японской культуры в периоды *Дзё:мон* и *Яёй*

Прежде чем приступить к рассмотрению каких-либо кросс-культурных связей Японии с Кореей или – напрямую – с Китаем, носящих стихийный или

⁵⁰Многочисленные археологические находки, обнаруженные на территории Китая, свидетельствуют о том, что первые оседлые фермерские сообщества могут быть датированы ещё пятым тысячелетием до нашей эры.

⁵¹ История древней Японии: Учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. – с.65.

⁵² В частности, развитое сельское хозяйство, металлургию, письменную систему, централизованную государственность.

⁵³ Там же, с.24.

⁵⁴ The Cambridge history of Japan. V.1. Ancient Japan / edited by Delmer M. Brown. Cambridge University Press, 2008. – p.268-269.

⁵⁵ В доисторические времена узкое водное пространство между южной оконечностью Корейского полуострова и северным побережьем острова *Кюсю* (яп. 九州) представляло собой естественный коридор для продвижения переселенцев, которые являлись первыми носителями континентальной культуры на японских островах. Поэтому рассмотрение этого региона, ограниченного территориями, омываемыми водами Корейского пролива, занимает центральное место в исследовании контактов между Японией и континентом.

официальный дипломатический характер, необходимо ознакомиться с общей картиной зарождения древнего протояпонского субстрата, чтобы можно было вывести целостное представление о характере общности, вступившей в контакт с носителями континентальной культуры. Здесь же стоит затронуть и предысторию китайско-корейских отношений.

Стоит начать с так называемого периода *Дзё:мон* (яп. 縄文時代 – *Дзё:мон дзидай*, букв. «эпоха верёвочного орнамента»; приблизительно 13 000 г. до н. э. – 300 г. до н. э.)⁵⁶. Люди периода *Дзё:мон*⁵⁷ («протоайны») ⁵⁸ принесли на острова основные производственные навыки, верования и обряды⁵⁹, истоки формирования которых, скорее всего, восходят к культуре Юго-Восточной Азии⁶⁰. В частности, в это время на Японских островах впервые появились зачатки солярного культа, которые, таким образом, не были впервые привнесены более поздними монголоидными переселенцами. Символами этого культа были спираль и змейка⁶¹, которые часто изображались в разнообразных орнаментах⁶².

В эпоху среднего *Дзё:мон* (приблизительно на стыке III–II тысячелетий до н.э.) в Японию проникла новая волна переселенцев⁶³. Потомки этих

⁵⁶ Япония вечная / Нелли Дёлэ; пер. с фр. С.Балашовой. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – с.16.

⁵⁷ Стоит отметить, что дзёмонцы не были прямыми предками современного японского этноса.

⁵⁸ Происхождение и древняя культура айнов (яп. アイヌ – «айну»; айн. букв. «человек», «настоящий человек») всё ещё вызывает дискуссии в исследовательской среде, однако, не возникает никаких сомнений, что их предки, как носители культуры *Дзё:мон*, оказали значительное влияние на своих соседей – другое древнейшее население японского архипелага времён позднего палеолита.

⁵⁹ Например, в айнском языке прослеживаются индонезийские черты. Древний обычай чернения зубов, который позднее был распространён также и у протояпонцев, а также искусство татуировки, имеют аналогии в Индонезии, среди аборигенного населения Тайваня, на Филиппинах, что также говорит в пользу их южного происхождения.

⁶⁰ Рубель В. А., Коваленко О. О. Проблема этногенеза японского народа в современной японской историографии // Восточный мир. — Институт Востоковедения НАН Украины, 2000. № 1. — с.156-162.

⁶¹ Скорее всего, такие символы являлись репрезентацией некоего мифа о небесном змее и его возлюбленной, богиней огня, проводницей в загробный мир.

⁶² Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б., Сырицын И.М. История Японии: Учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «История». – М.: Высш. шк., 1988. – с.12-13.

⁶³ Пришедшее вслед за протоайнами (и, по-видимому, по тому же пути с юга) новое население имело южномонголоидное происхождение и говорило на различных малайско-полинезийских наречиях.

народностей, судя по данным изучения японского языка, послужили субстратом для формирования первой общности собственно древних японцев⁶⁴. Основной миграционный поток⁶⁵, в том числе предков современных айнов, происходил не с запада, «китайского материка», а из Юго-Восточной Азии⁶⁶. Однако, настоящим ядром для формирования протояпонского этноса явилась очередная волна переселенцев, уже в середине I тысячелетия до н.э., из Южной Кореи⁶⁷. Выходцы с запада были носителями новой культуры периода *Яёй*⁶⁸ (яп. 弥生時代 – *Яёй дзидай*; 300 (900) г. до н. э. – 250 (300) г. н. э.)⁶⁹, которые впервые принесли на японские острова поливное рисосеяние⁷⁰, заимствованное у древних китайцев⁷¹, и целый пласт континентальных технологий и воззрений⁷².

В это же время начинает формироваться комплекс автохтонных протояпонских верований – предшественник религиозной системы синто (яп. 神道 *синто*., «путь богов»)⁷³. Религия синто смогла окончательно

⁶⁴Арутюнов С.А., Щебеньков В.Г. Древнейший народ Японии: Судьба племени айнов. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1992. – с.34-35.

⁶⁵ Таким образом, первые этнорасовые миграции на Японские острова включали негроидов с острова Лусон, древних индонезийцев, индокитайцев, тунгусов и палеоайнов.

⁶⁶Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б., Сырицын И.М. История Японии: Учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «История». – с.18.

⁶⁷ История древней Японии: Учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. – с.84-85.

⁶⁸ Однако данная культура, в отличие от прежней культуры *Дзё:мон*, не смогла распространиться на всю территорию архипелага. В частности, северный остров *Хоккайдо* (яп. 北海道 *Хоккайдо*.) оставался «дзёмонским» (айнским) вплоть до XX столетия.

⁶⁹ Япония вечная / Нелли Дёлэ; пер. с фр. С. Балашовой. – с.16-18.

⁷⁰ История Японии. Т.1. С древнейших времён до 1868 г. Ответственный редактор А.Е. Жуков. М., Институт востоковедения РАН, 1998. – с.39-42.

⁷¹ История древней Японии: Учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. – М.: Наталис, 2010. – с.65.

⁷²Арутюнов С.А., Щебеньков В.Г. Древнейший народ Японии: Судьба племени айнов. – с.34-35

⁷³ История древней Японии: Учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. – М.: Наталис, 2010. – с.145.

оформиться в целостное учение только под воздействием буддизма⁷⁴, который, скорее всего, начал постепенно проникать в Японию только с V века н. э.⁷⁵. До этого на островах в принципе не существовало единой религиозно-мифологической концепции. На данный момент знания о «раннем синто»⁷⁶, в основном, ограничиваются лишь гипотезами⁷⁷, основанными на археологических находках⁷⁸.

Основа синтоистских верований заключалась в обожествлении различных явлений, природных сил и поклонении им; также отдельно развивался культ предков, аналогичный сходным практикам в Китае⁷⁹. С доисторических времён японцы верили в существование некой духовной сущности, присущей многим вещам – *ками* (яп. 神)⁸⁰. В целом, под этот термин подпадает всё то, что в других религиях именуется божествами, демонами, духами. Представления о *ками*, скорее всего, изначально были весьма разнообразными, однако до VII в. не было какой-либо единой системы рангов японских божеств⁸¹.

Учёные выдвигают множество теорий, чтобы объяснить возникновение и развитие концепции *ками* до времён распространения буддийского верования на японском архипелаге. Ведущая теория связывает зарождение этого религиозно-мифологического феномена с автохтонным японским анимистическим субстратом. Однако ряд исследователей, вполне справедливо, призывает осторожнее утверждать о степени «аутентичности»

⁷⁴ Япония вечная / Нелли Дёлэ; пер. с фр. С. Балашовой. – с.23-24.

⁷⁵ История древней Японии: Учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. – с.145-146.

⁷⁶ Сам термин «синто» также начал впервые применяться к комплексу японских верований только в эпоху распространения в Японии буддизма.

⁷⁷ История Японии. Т.I. С древнейших времён до 1868 г. Ответственный редактор А.Е. Жуков. – с.78.

⁷⁸ История древней Японии: Учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. – с.145.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Япония вечная / Нелли Дёлэ; пер. с фр. С. Балашовой. – с.19-21.

⁸¹ Там же.

такого базиса, не соглашаясь с тем, что концепция божеств-ками связана исключительно с процессом формирования этих верований, начавшемся непосредственно на территории Японии. В подтверждение этому убеждению, можно привести пример синтоистского взгляда на картину мироздания (без поздних буддийских элементов). Традиционная японская космография, даже в своём наиболее рафинированном, древнейшем виде, является весьма сложным представлением, которое содержит признаки влияния разных частей Азии и Океании⁸². Таким образом, различные элементы индокитайской, малайско-полинезийской, собственно аутентичной японской островной культуры изначально были спроецированы на религиозные убеждения древних жителей Японского архипелага⁸³.

Как видно, древнейшая культура и этническая общность Японии на начальном этапе формировалась по большей части выходцами из Юго-Восточной Азии⁸⁴ и только потом прошла череду видоизменений под влиянием первых корейских переселенцев, которые могли впервые познакомить местное население с элементами древнекитайской культуры, в том числе и с некоторыми религиозно-мифологическими сюжетами. Впрочем, можно предположить, что на начальном этапе китайско-корейские сказания и верования (например, о фантастических созданиях) не нашли широкого отклика в протояпонской среде в силу их слабой связи с каким-либо конкретным и достаточно мощным религиозным учением (позднее такой системой окажется буддизм с элементами даосизма и конфуцианства)⁸⁵.

⁸²Например, сказания о дворце морского змея, которые, скорее всего, ведут своё начало с верований, распространённых на юге Японии ещё до волны миграции южнокорейских народностей в первых столетиях до н.э., имеют аналогии в фольклоре южных приморских регионов Китая, островов Рюкю, Индии, Индонезии и Полинезии.

⁸³The Cambridge history of Japan. V.1. Ancient Japan / edited by Delmer M. Brown, Cambridge University Press, 2008. – p.328-329.

⁸⁴ Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б., Сырицын И.М. История Японии: Учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «История». – с.13-14.

⁸⁵ Скорее всего, единичные элементы континентального мифологического наследия были частично вплетены в ранние представления о божествах-ками.

В целом, к моменту установления первых китайско-японских контактов, японцы представляли собой продукт смешения указанных выше народностей и этнических групп, а их самобытная, «варварская», сточки зрения древних китайцев, культура имела достаточный базис для специфического типа заимствования и трансформации китайских мифологических мотивов.

К первому столетию нашей эры маленькие государства северного *Кюсю* начали устанавливать первые дипломатические контакты с Китаем⁸⁶. Внешние отношения древней Японии благоприятно сказывались на процессе стабилизации политической ситуации и способствовали дальнейшей консолидации власти⁸⁷. Кроме того, прямые контакты с очагом высокой континентальной культуры интенсивнее обогащали японские мифологические и религиозные представления⁸⁸. Об этом можно судить по археологическим находкам⁸⁹ континентального импорта предметов роскоши, датированных периодом *Яёй*⁹⁰. Найденные в основном в северной части *Кюсю* артефакты⁹¹, судя по всему, использовались в ритуально-церемониальных практиках⁹².

⁸⁶ Постепенно набирал оборот торговый поток между Японией и континентом, в котором были заинтересованы государи первых японских протогосударств. Кроме того, правители, которые были признаны китайским двором (в качестве вассалов), автоматически поднимали свой авторитет в глазах своих подданных и политических конкурентов, что играло важную роль в ходе локальных междоусобиц.

⁸⁷The Cambridge history of Japan. V.1. Ancient Japan / edited by Delmer M. Brown, Cambridge University Press, 2008. – p.280.

⁸⁸ История древней Японии: Учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. – с. 77-78.

⁸⁹The Cambridge history of Japan. V.1. Ancient Japan / edited by Delmer M. Brown, Cambridge University Press, 2008. – p.282-283.

⁹⁰Аналогичные артефакты из Китая датируются, соответственно, эпохой империи *Хань* (кит. 漢朝–*Ханьчао*; 202г. до н. э.—220 г. н. э.).

⁹¹В конце концов, континентальная культура всё глубже проникала на японские острова, и среди относящихся к позднему периоду *Яёй* предметов было найдено множество не только чисто китайских образцов, но и местных японских подделок.

⁹²Основу составляли ханьские зеркала, но также в Японию ввозились, например, браслеты из раковин южных морей или их бронзовые и каменные реплики.

Согласно древнекитайскому трактату⁹³ «Предания о людях *Ва* из истории государства *Вэй*» (кит. 魏志倭人傳 – *Вэйчжэивожэнь-чжуань*)⁹⁴ из исторических хроник *Вэй-шу* (кит. 魏書)⁹⁵, Япония – земля *Во* (*Ва*) (кит. 倭人 – *вожэнь*, яп. 倭人, 倭 – *вадзин*, *ва*, кор.хангыль 왜 – *вэ*; букв. «карлики») состояла из ряда небольших государств, тридцать из которых поддерживали отношения с китайским двором и, стало быть, уже находились под прямым влиянием китайской культуры⁹⁶. Одно из этих государств, *Яматай* (яп. 邪馬台), смогло утвердить гегемонию над своими соседями. В хрониках *Вэй-шу* сказано, что китайцы иногда отправляли посольства в страны «варваров», в том числе в Корею и Японию. Источниками для описания государства *Яматай* и его соседей как раз были отчёты таких экспедиций. Кроме того в данных летописных сводах упоминаются причастные посольские миссии государств *Ва* к вэйскому двору⁹⁷.

Согласно этому источнику, землёй *Нюй-ван-го* (кит. 女王國, букв. «страна властительницы»), т.е. страной *Яматай*, руководила женщина-государь, по чьему приказу и были организованы первые миссии в Китай. Эта правительница именовалась *Химико* (кит. 卑弥呼 – *Бимиху*), и было отмечено, что при её правлении велись продолжительные междоусобные войны за право именоваться правителем всех земель *Ва* – верховным

⁹³ Сань го чжи / Чэнь Шоу чжуань, Пэй Сун-чжи чжу (三國志 / 陳壽撰, 裴松之注 Трактат о Трёх царствах / Сост. Чэнь Шоу, коммент. Пэй Сун-чжи). т. 3. Пекин, Чжунхушущэнь, 1987. – с.854-858.

⁹⁴ История Японии. Т.1. С древнейших времён до 1868 г. Ответственный редактор А.Е. Жуков. – с.63-64.

⁹⁵ Они были составлены в 280-290 годах знаменитым историком Чэнь Шоу (кит. 陳壽, около 233-297).

⁹⁶ История древней Японии: Учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. –с.107.

⁹⁷The Cambridge history of Japan. V.1. Ancient Japan / edited by Delmer M. Brown, Cambridge University Press, 2008. –р.283.

жрецом⁹⁸. Скорее всего, именно ей⁹⁹ и удалось впервые гармонично синтезировать¹⁰⁰ местные обычаи и заимствованную систему гадания¹⁰¹.

Вместе с посольствами отправлялись ответные подарки, и среди таковых, адресованных государыне *Химико*, некоторые предметы были обозначены как «особые» и, возможно, даже были специально «заказаны» правительницей *Va*. В этот список, помимо всего прочего, были включены сто бронзовых зеркал. Зеркала, судя по всему, особенно ценились древними японцами¹⁰² ещё до того, как были установлены дипломатические отношения *Яматай* с китайским двором¹⁰³, о чём можно судить по археологическим находкам на территории южной Японии аналогичных корейских изделий¹⁰⁴. Зеркала представляли интерес не столько, как редкие диковины, предметы роскоши, сколько, как атрибуты власти и церемониальный инструментарий¹⁰⁵, обладающий большой ритуальной ценностью¹⁰⁶. Поскольку *Химико* была шаманкой, неудивительно, что она и её ближайшее окружение ценили подаренные ей зеркала¹⁰⁷. Некоторые учёные предполагают¹⁰⁸, что такие зеркала, прежде всего, использовались в

⁹⁸ История древней Японии: Учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. – с.107-108.

⁹⁹ Государыня *Химико* была шаманкой и потому, помимо пестования своих политических амбиций, была заинтересована в ознакомлении с высокой культурой китайской ритуально-церемониальной практики.

¹⁰⁰The Cambridge history of Japan. V.1. Ancient Japan / edited by Delmer M. Brown, Cambridge University Press, 2008. – p.292.

¹⁰¹ В частности, современные исследователи утверждают, что практика гадания на оленьих костях того времени явно напоминала сходные древнекитайские ритуалы.

¹⁰² История Японии. Т.1. С древнейших времён до 1868 г. Ответственный редактор А.Е. Жуков. – с.52-53.

¹⁰³ История древней Японии: учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. – с.74.

¹⁰⁴The Cambridge history of Japan. V.1. Ancient Japan / edited by Delmer M. Brown, Cambridge University Press, 2008. – p.292.

¹⁰⁵ История древней Японии: учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. – с. 84.

¹⁰⁶ В частности, бронзовые зеркала считались светильниками – символическими «заместителями небесных светил», в том числе и в погребальных практиках.

¹⁰⁷ Вероятно, она собирала их в качестве культовых принадлежностей для различных шаманских обрядов.

¹⁰⁸The Cambridge history of Japan. V.1. Ancient Japan / edited by Delmer M. Brown, Cambridge University Press, 2008. – p.292-293.

ритуалах¹⁰⁹, связанных с поклонением солнцу¹¹⁰. Во всяком случае, все эти специфические артефакты можно расценивать как предлог для более широкого знакомства жителей японского архипелага с особенностями древнекитайской религиозно-мифологической традиции¹¹¹. Например, большинство найденных на территории Японии зеркал¹¹², датированных возможным периодом правления *Химико* и её преемников, украшены изображениями божеств и различных чудесных созданий¹¹³, в том числе четырёх священных животных (кит. 四靈 – *Сы лин*)¹¹⁴. Люди, использовавшие эти вещи в ритуальных практиках¹¹⁵, в частности, правительница *Химико*, вряд ли относились к этим рисункам просто как к затейливому орнаменту. Стало быть, оказавшиеся таким образом в японской среде персонажи китайской мифологии (например, упомянутые четыре священных зверя) уже на этом начальном этапе должны были быть как-то восприняты, осмыслены

¹⁰⁹Здесь уже прослеживается связь с синтоистским мотивом о богине *Аматэрасу* (яп. 天照大御神 – *Аматэрасуоомиками*, «великое божество, озаряющее небеса») и зеркале, изготовленном с целью вывести её из небесного грота.

¹¹⁰ Такие практики могли сочетать древние элементы солнечного культа, восходящие ещё к людям периода *Дзё:мон*, вкпе с совокупностью сходных верований, заимствованных с континента.

¹¹¹Привозимые из Китая церемониальные принадлежности и украшения, как инструмент жреческих обрядов, были также и прямыми носителями для наглядного изучения заморских верований о фантастических созданиях.

¹¹²Однако некоторые исследователи полагают, что найденные в Японии зеркала, якобы посланные в качестве даров жрице *Химико*, на самом деле не являются чисто китайским продуктом. Дело в том, что на территории Китая среди артефактов датируемых III в. н.э. не были найдены зеркала, хоть отдалённо напоминающие дизайн зеркал *Химико*: с пилообразными бортиками и специфическим узором из божеств и животных. Кроме того, японские образцы больше своих континентальных аналогов. Единственным аргументом в пользу того, что они, всё-таки, были изготовлены в Китае, являются надписи на некоторых зеркалах, обозначающие их, как изделия мастеров периода Троецарствия. Скорее всего, данные зеркала действительно изготавливались на заказ, что частично объясняет их своеобразную форму и орнамент. Также можно предположить, что они были отлиты уже после правления *Химико* непосредственно на территории Японии китайскими или местными мастерами.

¹¹³The Cambridge history of Japan. V.1. Ancient Japan / edited by Delmer M. Brown, Cambridge University Press. 2008. – p.293.

¹¹⁴ Четыре священных зверя (четыре знака зодиака) – мифологические существа в китайской астрономии, хранители сторон света. К ним относятся: Лазоревый дракон Востока (кит. 青龍 – *Цин-лун*), Красная птица Юга (кит. 朱雀 – *Чжу-цзюэ*), Белый тигр Запада (кит. 白虎 – *Бай-ху*), Чёрная черепаха (воин) Севера (кит. 玄武 – *Сюань-у*).

¹¹⁵ История Японии. Т.1. С древнейших времён до 1868 г. Ответственный редактор А.Е. Жуков. – с.52-53.

древними японцами, будучи включёнными в новую местную систему мировосприятия.

1.3. Расширение корейско-японских кросс-культурных отношений и проникновение буддизма в Японию

После кончины *Химико* в середине III века н.э., в Японии, ставшей теперь полноправным элементом китаецентрической системы международного порядка, начался период новых междоусобиц и последующей централизации под властью правителя-шамана; процесс формирования централизованного правительства закончился к VI в. Данный период принято называть *Ямато* (яп. 大和時代 – *Ямато дзидай*; 250 (300) г. – 592 (710) г.), также как и сформировавшееся в это время протогосударство, возможный преемник политики *Яматай*¹¹⁶, подчинившее, в итоге, своему влиянию все остальные народности, населявшие острова Кюсю и Хонсю (яп. 本州 – *Хонсю*:)¹¹⁷

На протяжении этих трёх столетий японские власти поддерживали связь с Китаем, заимствуя различные элементы древнекитайской государственной системы и культуры в целом.

Однако в самом Китае в этот временной период произошли колоссальные геополитические изменения¹¹⁸. К четвертому веку крайне уязвимым оказался северный регион, контролировавшийся различными кочевыми народами. Этим воспользовались жители Корейского полуострова (северной части), предпринявшие важные шаги к политической консолидации. В свою очередь, эти процессы повлияли также на характер внешних отношений Японии, которая постепенно окажется под

¹¹⁶ На этот счёт в научной среде до сих пор нет однозначного мнения.

¹¹⁷ Арутюнов С.А., Шербеньков В.Г. Древнейший народ Японии: Судьба племени айнов. – с.42.

¹¹⁸ Вызванные междоусобицами, исчезновением трёх государств (*Вэй*, *У*, *Шу*), установлением новых государственных образований (*Цзинь*).

подавляющим влиянием Корейских государств, а не Китая¹¹⁹. Характер культурных достижений, привносимых на японский архипелаг, также изменился, вновь превратившись в амальгаму корейских интерпретаций китайской культуры¹²⁰.

Здесь стоит сделать небольшое отступление, чтобы рассмотреть отдельные этапы в истории государств Корейского полуострова. Это поможет понять, насколько важную роль сыграла Корея в проникновении на японский архипелаг различных аспектов китайской культуры, в том числе и мифологии.

Самые первые контакты древних китайцев с племенами, населявшими южную часть Маньчжурии и Корейский полуостров, относятся к VII в. до н. э., когда на территорию царств *Янь* (кит. 燕) и *Ци* (кит. 齊) часто вторгались горные жуны (кит. 戎). Позднее эти воинственные племена объединились в протогосударственное образование, которое уже в 108 году до н.э. было полностью ликвидировано стараниями ханьского государя *У-ди* (кит. 漢武帝—*Хань У-ди*, 156 год до н. э. –87 год до н. э.). На захваченной территории были созданы четыре ханьских округа. В процессе длительных контактов местного населения с древними китайцами, полуостров, как более удобная с географической точки зрения площадка, превратился в своеобразную витрину континентальной культуры в глазах древнейшего населения Японии¹²¹. Последующая волна миграций древних корейцев также предрешила неизбежное вовлечение Японии в «замыкание» сферы влияния древнекитайской цивилизации на самых крайних восточных рубежах¹²².

¹¹⁹ История древней Японии: Учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. – с.64.

¹²⁰The Cambridge history of Japan. V.1. Ancient Japan / edited by Delmer M. Brown, Cambridge University Press, 2008. – p.297-298.

¹²¹ Если до этих событий существование северного племенного союза препятствовало проникновению древних китайцев дальше на восток, то теперь они пришли в непосредственное соприкосновение со всем населением Корейского полуострова, как северным, так и южным. На тот момент Корея представляла собой последний, самый крайний восточный форпост «китайского мира».

¹²²Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. – с.64-65.

Итак, северные земли Корейского полуострова долгое время представляли собой китайскую провинцию, ближайший для древних корейцев источник распространения достижений китайской культуры. Во многом благодаря именно этому влиянию на остальной части Кореи смогли сформироваться стабильные политии, которые в дальнейшем представляли собой военную угрозу для Китая на севере и важнейший транслятор китайской мысли для Японии на юге. Самым древним из таких государственных образований того времени считается северное царство *Когурё* (кор. хангыль – 고구려, ханча – 高句麗, кит. 高句麗 – *Гаогоули*; 37 до н. э. – 668). Вместе с южными раннефеодальными государствами *Пэкче* и *Силла*, о которых речь пойдёт позднее (так как именно эти две политии будут находиться в непосредственном контакте с населением Японии)¹²³, *Когурё* являлось частью такого исторического феномена, как *Самгук* (кор. хангыль – 삼국, ханча – 三國, букв. «Три государства», «Троецарствие»). Древние когурёсцы раньше остальных народностей Кореи¹²⁴ познакомились как с китайцами, так и с различными кочевыми народами¹²⁵. Именно когурёсцы передали своим южным соседям накопленный опыт по внедрению китайских моделей в самых различных сферах¹²⁶.

Однако, как уже было упомянуто выше, роль «наставников» по приобщению Японии к культурному пространству древнекитайской цивилизации досталась государствам, образовавшимся на южной оконечности Корейского полуострова. Самое раннее знакомство протояпонцев с древнекорейской культурой происходило через

¹²³ История древней Японии: Учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. – с.131.

¹²⁴The Cambridge history of Japan. V.1. Ancient Japan / edited by Delmer M. Brown, Cambridge University Press, 2008. – p.298.

¹²⁵ Из этих двух источников *Когурё* черпало свою силу для формирования государственности и установления гегемонии в регионе: принятие китайской культуры и методов управления являлось опорой правящей власти, а внедрение техники конного боя кочевых племён также гарантировало несокрушимость армии.

¹²⁶В частности, погребальная культура Древнего Китая вместе с соответствующими религиозно-мифологическими традициями достигли Японии только благодаря посредничеству когурёсцев, научивших подобным практикам южнокорейские народности – переселенцев на японский архипелаг.

посредничество ряда южнокорейских племён, объединившихся позднее в союз *Кая* (кор. хангыль – 가야; ханча – 伽倻; 42 – 532)¹²⁷. Установление контактов с основателями Каяской политики благоприятно сказалось на том, что некоторые мифологические сюжеты¹²⁸ начали проникать в Японию вместе с автохтонными верованиями древних корейцев, которые, вероятно, позднее слились с местными японскими тотемистическими пережитками (в рамках синтоистской традиции)¹²⁹. В 300 г. в японо-корейских отношениях наступил кардинальный перелом: произошёл официальный обмен посольствами. Параллельно с этим процессом сближения¹³⁰ на японский архипелаг устремилась новая волна корейско-китайских переселенцев¹³¹.

В 369 г. южнокорейское государство *Пэкче* (кор. хангыль – 백제, ханча – 百濟; 18 до н. э. – 660) успешно отразило военную операцию когурёсцев, утвердив свою внешнеполитическую гегемонию в регионе и потеснив тем самым город-государство *Кымгван* (*Кая*), начавшее постепенно ослабевать. Заняв позицию нового ведущего торгово-дипломатического партнёра¹³² протояпонских племён на всём Корейском полуострове, *Пэкче* вплоть до

¹²⁷Тихонов В.М., *Кан Мангиль*. История Кореи: В 2 т. Т. 1: С древнейших времён до 1904 г. М.: Наталис, 2011. – с.94-95.

¹²⁸ Такие, например, как элементы китайско-когурёской погребальной практики.

¹²⁹Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б., Сырицын И.М. История Японии: Учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «История». – с.39.

¹³⁰ Там же, – с.24

¹³¹ Во многом вызванная падением в 280 г. царства *У* (*Восточная У*) в Южном Китае (кит. 東吳 – *Дун У*; 222 г. – 280 г. н. э.). Переселенцы основали в 320 г. город *Нанива* (яп. 難波, 浪華, 浪花), переименованный позднее в *Осака* (яп. 大阪).

¹³²Тихонов В.М., *Кан Мангиль*. История Кореи: В 2 т. Т. 1: С древнейших времён до 1904 г. – с.98.

конца своего независимого существования¹³³ стало для Японии проводником¹³⁴ передовой континентальной культуры¹³⁵.

На конец IV – VI вв. пришёлся период наивысшего культурного и политического¹³⁶ расцвета южнокорейских государственных образований¹³⁷. В этот период пэкческая элита впервые познакомилась с китайским буддизмом¹³⁸, изрядно нагруженным даосскими элементами (как философскими, так и изобразительными). Можно предположить, что именно корейское (китайско-корейское) буддийское наследие могло послужить той почвой, на которой наиболее успешно «акклиматизировались» многие художественные образы мифологического характера.

В период своего расцвета¹³⁹ пэкчесцы неоднократно отправляли в соседнее государство своих техников и специалистов по многим отраслям знаний (медицине, астрономии, астрологии, конфуцианским канонам; многие из них – интеллигенты китайского происхождения). Вероятно, через посредничество таких официальных миссий японцы впервые стали

¹³³В 660 г. Пэкче было завоёвано союзными силами королевства Силла и династии Тан и стало частью королевства Объединённое Силла.

¹³⁴Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 1: С древнейших времён до 1904 г. – с.98-99.

¹³⁵ На начальном этапе этому во многом способствовало постепенное установление (с 372 г.) тесных отношений Пэкче с южнокитайской династией Восточная Цзинь (кит.東晉 – ДунЦзинь;317-420). Прямые связи с Цзинь, обогатившие пэкческую культуру, постепенно утвердили это государство в статусе главного посредника в распространении товаров и техник во всей южной Корее и на Японских островах.

¹³⁶Установление дипломатических отношений с ранним японским государством Ямато; позднее с южнокитайским царством Лян (Южная Лян) (502-557; кит.南梁 – Нань Лян). К концу своего правления (521 г.) государь Мурён-ван (кор. хангыль – 무령왕; ханча – 武寧王) заявлял лянскому владыке, что Пэкче «вновь стало сильным государством».

¹³⁷Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 1: С древнейших времён до 1904 г. – с.107.

¹³⁸Первые буддийские храмы были основаны в Пэкче в 385 г.

¹³⁹Захватив к 530-м гг. у каясцев практически весь торговый путь по р. Сомджинган (кор. хангыль – 섬진강; ханча – 蟾津江) и важнейший порт Таса (Даса) (кор. хангыль – 대사, ханча – 帶沙; или 다사, 多沙; ныне Хадон – 하동, 河東) в устье этой реки, владыка Сон-ван (кор. хангыль – 성왕; ханча – 聖王) установил новые тесные связи с Японией, которые теперь приобрели ещё больше черт пэкческой монополии.

заимствовать буддийские идеи и ритуальные предметы, что положило начало распространению буддизма на Японских островах¹⁴⁰.

Внешняя политика *Пэкче*, направленная на фактическую изоляцию Японии, особенно утвердилась в период установления отношений корейцев с новой китайской империей *Тан* (18 июня 618 – 4 июня 907; кит. 唐朝 – *Танчао*). Стараясь помешать налаживанию прямых связей между японцами и Китаем, пэкчесцы удерживали за собой практическую монополию¹⁴¹ на распространение континентальной культуры на Японских островах¹⁴².

В это же время в *Пэкче* всё более широко начал распространяться даосизм¹⁴³. Существенно преобразилась буддийская иконография, в которой наличие китайских мотивов¹⁴⁴ практически заглушило исходные индийские положения¹⁴⁵. Во многом такая тенденция связана с ориентацией на покровительствовавшую даосизму¹⁴⁶ культурную политику империи *Тан*¹⁴⁷.

Таким образом, нестабильная ситуация на территории Китая в III–IV столетиях н. э.¹⁴⁸ вынудила японское сообщество обратить свои взгляды на государства Корейского полуострова¹⁴⁹, как к надёжному и самому близкому

¹⁴⁰The Cambridge history of Japan. V.1. Ancient Japan / edited by Delmer M. Brown, Cambridge University Press, 2008. – p.305-306.

¹⁴¹Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 1: С древнейших времён до 1904 г. – с.136.

¹⁴²Корейцы продолжали посылать в Японию своих мастеров и специалистов. В частности, именно пэкчесцы впервые занесли на Японские острова технику изготовления черепицы, необходимой для строительства буддийских храмов.

¹⁴³ Который в некоторой степени потеснил позиции и авторитет буддизма среди аристократии.

¹⁴⁴ В частности, китайский дракон окончательно слился с образами индийских змеев (*нагов*) и вытеснил соответствующие индийские мотивы.

¹⁴⁵Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 1: С древнейших времён до 1904 г. – с.137.

¹⁴⁶Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. – с.349-352.

¹⁴⁷В эпоху правления этой династии буддизм вошёл в период своего расцвета, которому суждено было продлиться только два первых столетия, после чего на пришлое вероучение обрушился вал критики со стороны ревнителей конфуцианства и даосизма.

¹⁴⁸ История Японии. Т.I. С древнейших времён до 1868 г. – с.73-78.

¹⁴⁹The Cambridge history of Japan. V.1. Ancient Japan / edited by Delmer M. Brown, Cambridge University Press, 2008. – p.309-310.

источнику высокой культуры¹⁵⁰. Вероятно, именно в это время японцы наиболее активно заимствовали различные концепции о китайских фантастических созданиях¹⁵¹, которые, по-видимому, были изрядно нагружены корейскими элементами (в большей степени иконографическими).

Ранее уже было упомянуто, что через тесные контакты с южнокорейскими государствами в Японию постепенно начал проникать буддизм. Судя по всему, буддийское учение было передано японцам при посредничестве дипломатических миссий *Пэкче*, вскоре после того, как новое «западное веяние» было восторженно принято господствующими классами этого царства. По традиционной версии (оспариваемой некоторыми учёными) первые контакты такого рода связываются с миссией 552 г. (или же 538г.)¹⁵², однако существует гипотеза, что вышеописанный процесс мог начаться уже в V в¹⁵³. Новая вера нашла, как страстных приверженцев¹⁵⁴, так и ярых противников¹⁵⁵. Без сомнений, новая религиозная концепция рассматривалась как в Корее, так и в Японии, в качестве некоторого

¹⁵⁰ Тем не менее, древние японцы, скорее всего, переориентировались на Корею не только из-за того, что видели в ней высокоразвитую духовную житницу и транслятор, как местной, так и ханьской культуры. Возможно, одной из важнейших причин, по которой японцы стремились поддерживать отношения с южнокорейскими землями, была необходимость в доступе к источникам железа. Наличие железных руд, которые были дефицитным ресурсом в Японии, имело огромное значение, как для ведения сельского хозяйства, так и для поддержания боеспособности страны. Уже в эпоху позднего *Яёй* оружие изготовлялось из железа, а не из камня или бронзы, и каждый древнеяпонский клан, который хотел сохранить контроль над своей территорией, должен был поддерживать свои запасы этого материала. По мере того, как полития *Ямато* поднималась к власти и предпринимала шаги к формированию централизованного государства, необходимость контроля над поставками железа с континента становилась первостепенной проблемой. Вероятно, эта острая потребность в железе, помимо заинтересованности в импорте корейско-китайских технологий, верований, товаров, побуждала японцев, начиная с III-IV веков, развивать тесные связи не только с племенным союзом *Кая*, но и с царством *Пэкче*.

¹⁵¹ Концепции священных животных (дракон, белый тигр и т.д.), демонов.

¹⁵² *Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 1: С древнейших времён до 1904 г. – с.117.*

¹⁵³ *Ashkenazi M. Handbook of Japanese mythology. ABC-CLIO, 2003. – p.36.*

¹⁵⁴ Популярности буддийского учения в Японии способствовало благосклонное отношение к нему принца-регента *Сётоку* (яп. 聖徳太子, *Сё:току-тайси*; около 574–622), который поощрял распространение новой религии. При его поддержке были построены первые японские буддийские храмы, в том числе знаменитый *Хорю-дзи* (яп. 法隆寺, *Хо:рю:дзи* – «Храм процветающей дхармы»; строительство закончилось в 607 г.). В дальнейшем, уже при императоре *Сёму* (яп. 聖武天皇 – *Сё:мутэнно:*; правил в 724–749) буддизм был признан государственной религией.

¹⁵⁵ *The Cambridge history of Japan. V.1. Ancient Japan / edited by Delmer M. Brown, Cambridge University Press, 2008. – p.305-306.*

идеологического оружия для укрепления центральной власти¹⁵⁶. Наблюдая за интеграцией буддизма в китайскую среду в эпоху разобщённости, корейские и японские лидеры могли осознавать¹⁵⁷, что буддизм вместе с китайскими управленческими методами по укреплению власти, будет способствовать их собственным усилиям по ужесточению контроля над большей территорией и большим количеством людей¹⁵⁸. Таким образом, подъём корейских царств ознаменовался интенсивной поддержкой буддизма, и Япония также оказалась в конце линии передачи западного учения¹⁵⁹.

Можно предположить, что были и другие причины, объясняющие хорошую приживаемость буддизма на японской земле. Глубокая философия этого учения долгое время была непонятна японскому двору и потому не представляла большого интереса. Скорее всего, японская придворная элита считала, что буддизм примечателен, прежде всего, как некое мощное магическое учение¹⁶⁰. Таким образом, древних японцев в первое время интересовала, например, не концепция нирваны, а эффективность буддийских молений, практический результат буддийских практик. Буддизм виделся неким укрепляющим средством, способным гармонично дополнить автохтонные верования и ритуалы¹⁶¹. Также сыграла свою роль и привлекательность¹⁶² буддийских обрядов, искусства¹⁶³ – статуи,

¹⁵⁶ Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б., Сырицын И.М. История Японии: Учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «История». – с.40.

¹⁵⁷ История Японии. Т.1. С древнейших времён до 1868 г. Ответственный редактор А.Е. Жуков. – с.78-79.

¹⁵⁸ История древней Японии: Учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. – с.146.

¹⁵⁹ The Cambridge history of Japan. V.1. Ancient Japan / edited by Delmer M. Brown, Cambridge University Press, 2008. – p.359-360.

¹⁶⁰ История древней Японии: Учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. – с.145-151.

¹⁶¹ Конрад Н.И. Очерк истории культуры средневековой Японии VII-XVI вв. – М.: Издательство «Искусство», 1980. – с.28.

¹⁶² Здесь стоит отметить ещё раз важность «природы зримого» в японской культуре.

¹⁶³ Япония 2012. Ежегодник. П – М.: «АИРО-XXI», 2012. – с.266-281.

иконография, утварь, храмовая архитектура¹⁶⁴. Прежде ничего подобного японская культура не знала¹⁶⁵. Таким образом, вместе с буддийским учением японцы заимствовали также многие конфуцианские и даосские идеи, многие элементы материальной культуры¹⁶⁶, континентальные обычаи и суеверия¹⁶⁷. Кроме того, буддийское учение вовсе не предполагало борьбу с местным божественным пантеоном где бы то ни было, с точки зрения возможной конфронтации «истинное-языческое»¹⁶⁸. Благодаря распространению буддизма японцы могли лучше ознакомиться с рядом разнообразных фантастических созданий¹⁶⁹, божеств (не только буддийского, но и, например, даосского пантеона)¹⁷⁰, мифологических сюжетов, имеющих китайское, корейское, индийское происхождение¹⁷¹. При этом воспринятые персонажи имели перспективу быть переосмысленными в достаточно вольной манере для нужд приспособления их к аутентичному религиозно-мифологическому мировосприятию.

Период столкновения буддизма с японскими древними верованиями интересен и важен в данном исследовании ещё и тем, что только в ходе сложившегося кросс-культурного диалога автохтонный религиозно-мифологический субстрат (синтоизм) смог преобразиться в действительно целостную, структурированную, повсеместно распространённую систему¹⁷².

¹⁶⁴ *Накорчевский А.А.* Синто. – с.297-300.

¹⁶⁵ *Иэнага Сабуро.* История японской культуры. – с.57-59.

¹⁶⁶ *Конрад Н.И.* Очерк истории культуры средневековой Японии VII–XVI веков. – с.32.

¹⁶⁷ История древней Японии: Учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. – с.144.

¹⁶⁸ *Накорчевский А.А.* Синто. – с.297-306.

¹⁶⁹ Чудесные создания из китайской мифологии, например, фениксы и драконы, часто украшали буддийские религиозные атрибуты, а также их образы исполнялись при декорировании буддийских храмов.

¹⁷⁰ Например, Восемь Бессмертных (кит. 八仙 – *Ба Сянь*) – восемь святых даосского пантеона.

¹⁷¹ Впрочем, нередко до Японии многие мифологические персонажи разных культур доходили уже в глубоко синтезированном виде. Например, индийские концепции о *нагах* (змеях) уже непосредственно в Китае были сплетены с представлениями о драконах-*лун* в ходе усвоения китайцами новой чужеродной буддийской традиции.

¹⁷² История древней Японии: Учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. – с.145.

Как уже было сказано выше, коренная религия Японии, основанная на анимистических верованиях древних японцев, известна как синтоизм (яп. 神道 *синто*:). Однако само слово «синто» («путь богов»)¹⁷³ стало использоваться для обозначения аутентичных религиозных традиций лишь после проникновения в Японию буддизма (яп. 仏道 *буцудо*:, «путь Будды»)¹⁷⁴, когда были предприняты первые попытки систематизации¹⁷⁵ местных верований¹⁷⁶. Японцы вводили чужеземные понятия и пытались применять их к собственным реалиям¹⁷⁷. При этом они, судя по всему, были достаточно свободны в применении пришедших терминов¹⁷⁸.

Таким образом, анимистические верования древних японцев, связанные с различными божествами-ками¹⁷⁹, приобрели форму целостной религиозной философии только в период интенсивных кросс-культурных контактов с областью влияния китайской цивилизации приблизительно в конце VI столетия. Начиная с этого времени древнее поклонение многочисленным

¹⁷³ Из «Книги перемен» (кит. 易經 – *И цзин*), наиболее раннего китайского философского трактата, было заимствовано понятие *шэньдао* – *синто*: (кит. 神道, в китайском контексте обозначал «божественный путь», выражающийся в регулярном чередовании всех вещей и явлений, в смене времен года и т.д.).

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Знакомство с новой концепцией, пришедшей извне, впервые заставило японское население пересмотреть, выделить и дать название собственному религиозно-мифологическому наследию, сопоставляя своё исконное с континентальными убеждениями.

¹⁷⁶ Там же, – с.293-294.

¹⁷⁷ *Накорчевский А.А.* Синто. – с.295.

¹⁷⁸ Вероятно, этот феномен японской культуры можно частично объяснить географическим положением страны, сформировавшим японский менталитет: японские острова достаточно близко расположены с континентальной частью (в частности Кореей), но, вместе с тем, и достаточно отдалённо, чтобы сильнее слиться с общеконтинентальной культурой (по примеру Кореи).

¹⁷⁹ В целом, японцы считали, что любое чрезвычайное явление обладает харизматической силой, дух *ками* мог пребывать в небесных телах, таких как солнце, луна и звезды, или в силах природы, таких как ветер, дождь и молния. Гром, например, назывался «ками, который грохочет». Моря, реки и горы, или даже промышленные, бытовые объекты (здания, лодки и т.д.) могли содержать *ками*. Выдающийся правитель или незаурядный аристократ также часто идентифицировались как *ками* (обычно после смерти). Кроме того *ками* считались некоторые животные, в частности, тигры, волки, лисицы, птицы и змеи, если они представляли собой некий исключительный подвид, особь, наделённую по мнению японцев, сверхъестественной природой (например, лисица-оборотень). «Харизма», характерная для *ками*, напоминает так называемую *ману* – необычайную силу, которую народы Меланезии и Полинезии ассоциируют с таинственными силами, носителями которых могут быть природные стихии, люди, животные и т.д.

божествам и духам перешло на новый уровень. Теперь прежний слепой и бессистемный трепет перед природными силами трансформировался в совокупность институционализированных ритуалов, которые, как считалось, обеспечивают, прежде всего, защиту и процветание государя и аристократических кланов. В ходе становления «пути *ками*» как целостной религиозной традиции была переосмыслена и канонизирована система мифологии¹⁸⁰, в которой наивысшее положение в божественной иерархии было отведено богине солнца *Аматэрасу*¹⁸¹, объявленной прямым предком правящей династии, а местные и клановые божества, в свою очередь, заняли подчинённое положение¹⁸².

Как видно, японская модель мировосприятия изначально представляла из себя достаточно многогранный феномен, комбинирующий древнейшие австронезийские и протояпонские пережитки с поздними заимствованиями континентальных верований. Во многом, ключевую роль в приобщении японцев к китайской культуре сыграли корейцы. В частности, именно они внесли огромный вклад в популяризацию и распространение буддизма и буддийской культуры в Японию. В то же время, стоит подчеркнуть, что заимствуя буддийско-даосские концепции, японцы, как и корейцы, специфически воспринимали новые идеи, неоднократно подгоняя и адаптируя их в соответствии с собственными менталитетом, культами и обычаями. Таким же образом могли трансформироваться и многие мифологические персонажи, имеющие китайское происхождение.

Итак, рассмотрев основные моменты, касающиеся истории развития первых кросс-культурных контактов Японии с Китаем и Кореей, а также специфику формирования японской религиозной традиции, можно переходить, непосредственно, к детальному сравнительному анализу ряда

¹⁸⁰ Данный процесс систематизации синтоистских верований протекал параллельно с организацией и усовершенствованием японской государственности по китайскому бюрократическому образцу.

¹⁸¹ The Cambridge history of Japan. V.1. Ancient Japan / edited by Delmer M. Brown, Cambridge University Press, 2008. – p.317-319.

¹⁸² Ibid. – p.350-351.

мифологических созданий, распространённых в сино-японской культурной среде.

Глава 2. Анализ некоторых сино-японских мифологических персонажей

Для того чтобы выявить основные закономерности заимствования китайской системы мифологико-религиозных воззрений в японской среде, следует обратиться к наглядному ознакомлению с некоторыми образами, широко представленными как в китайской традиции, так и в культурном

наследии Японии. Мифологические персонажи для анализа выбирались по следующим критериям: наличие достаточно значимого места в сино-японской модели мировосприятия, выражение в себе основных черт всех родственных видов в рамках одного «класса существ», выразительность иконографии, обладание устоявшимся комплексом функций. Подобранные таким образом создания будут наиболее удобны для проведения сравнительного исследования.

Исходя из вышеизложенных критериев, в данной главе будут рассмотрены три персонажа: дракон-лун, демонстрирующий царство пресмыкающихся, лисица-оборотень, как представитель «звериного направления» в мифологии Дальнего Востока, и китайский феникс *фэн-хуан*, являющий собой образец орнитального отдела.

2.1. Китайский дракон-лун в Японии – специфика заимствования

2.1.1. Китайские представления о драконе-лун

Обычно под «китайским драконом» подразумевается создание, называемое *лун* (кит. 龍), которое заняло со временем ключевую роль в китайской образной системе. Подвидами *лун* являются в частности Жёлтый дракон (кит. 黃龍), Бирюзовый (лазурный) дракон (кит. 青龍 – *Цинлун*), Небесный дракон (天龍 – *Тяньлун*), который являет собой почти полный в морфологическом плане аналог *Хуанлуна* (кит. 黃龍)¹⁸³.

¹⁸³Кравцова М.Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая: Учебное пособие. – СПб.: Издательство «Лань», «ТРИАДА», 2004. – с. 386.

Безусловно, дракон-лун¹⁸⁴ возглавляет «семейство» созданий, которых принято считать драконами, однако ни в коем случае не исчерпывает собой их многообразие. В китайской мифологии фигурирует огромное число существ, определяемых как «драконы», многие из которых имеют своё собственное терминологическое название¹⁸⁵, свойства, функции и внешние признаки, но чаще остальных упоминаются следующие виды: водяной дракон-цзяо (кит. 蛟), вызывающий наводнения, крылатый дракон-инлун (кит. 應龍), рогатый дракон-цю (кит. 虬) и безрогий дракон-чи (кит. 螭)¹⁸⁶. Здесь стоит отметить, что некоторые древнекитайские авторы говорят о разных видах драконов, как о возрастных стадиях одного и того же создания¹⁸⁷.

В целом, любые разновидности драконов в китайской мифологии рисуются вполне реальными существами, имеющими материальную форму. При желании они могут быть пойманы, убиты и съедены, как любые другие звери¹⁸⁸. Так, существуют древнекитайские предания, рассказывающие, что при дворе потомков совершенномудрого государя Шуня (кит. 舜, XXIII в. до н. э.) разводили и содержали одомашненных драконов (кит. 畜龍 – чу-лун)¹⁸⁹.

¹⁸⁴Проблема рождения этого образа имеет давнюю историю, и на данный момент совокупность многочисленных точек зрения по этому поводу сводится к двум основным гипотезам. Сторонники первой доказывают, что лун всегда был изначально сугубо мифологическим персонажем, и что его своеобразный образ возник в результате сочетания элементов внешнего облика нескольких различных животных – тотемов древнейших племенных союзов – змеи (удава), крокодила, черепахи, броненосца, тапира. Согласно другой версии, этот образ, хотя и действительно вообрал в себя черты различных животных, все же восходит к некоей реально существовавшей рептилии, вполне возможно, что и к ископаемой.

¹⁸⁵Там же, с. 384.

¹⁸⁶Юань Кэ 袁珂. Чжунго шэньхуа-чуаньшо цыдянь 中国神话传说词典 («Словарь мифов и легенд Китая»), Шанхай: Шанхайское издательство словарей и справочников, 1985. – с.117.

¹⁸⁷Цзяо по достижении им возраста в тысячу лет превращается в дракона-лун, после чего лун, когда достигает возраста в пятьсот лет, превращается в дракона-цю, а в возрасте тысячи лет – в крылатого дракона.

¹⁸⁸Фиссер М.В. Драконы в мифологии Китая и Японии. /Перевод с англ. Фесюн А.Г. – М.: Профит Стайл, 2008. – с.68-74

¹⁸⁹Юань Кэ 袁珂. Чжунго шэньхуа-чуаньшо цыдянь 中国神话传说词典 («Словарь мифов и легенд Китая»), Шанхай: Шанхайское издательство словарей и справочников, 1985. – с.117.

Однако впоследствии секрет ухода за ними был утерян, и многие драконы вымерли¹⁹⁰.

Кроме того, все китайские драконы имеют ряд одинаковых черт: все боятся железа, многоножек, некоторых растений, пятицветной шелковой нити, а их основными врагами являются демоны засухи и тигры¹⁹¹. Драконы в китайской мифологии имеют слабость к драгоценным камням, пустым камням с водой внутри и ласточкиному мясу¹⁹². Также все мужские и женские особи¹⁹³ различны по форме¹⁹⁴. Ещё одной характерной чертой китайских драконов является наличие у них пламенеющей жемчужины¹⁹⁵, которая обычно располагается под горлом или во рту¹⁹⁶. Этот атрибут в качестве неотъемлемой принадлежности драконообразных созданий в большинстве случаев отображается и в декоративно-прикладном искусстве¹⁹⁷.

¹⁹⁰Кравцова М.Е. Мировая Художественная культура. История искусства Китая. – с. 384

¹⁹¹Фиссер М.В. Драконы в мифологии Китая и Японии. – с.71-73

¹⁹²Юань Кэ 袁珂. Чжунго шэньхуа-чуаньшо цыдянь 中国神话传说词典 («Словарь мифов и легенд Китая»). – с.117.

¹⁹³Фиссер М.В. Драконы в мифологии Китая и Японии. – с.74

¹⁹⁴Рога самца дракона волнистые, вогнутые, крутые. У дракона-женщины более прямой нос, круглая грива, тонкие чешуйки и более сильный хвост.

¹⁹⁵ См. приложение 1.

¹⁹⁶Там же, с.97

¹⁹⁷ Так, в китайском искусстве широко распространён сюжет, в композиции которого стоит пара драконов, сражающихся за обладание этой жемчужиной. Этот круглый предмет может трактоваться по-разному: как небесное светило, будь то солнце, луна или звезда, символ катящегося грома, как «зерно силы» – потеря которого сопровождается убылью драконьей мощи». Данная композиция считалась символом китайского оружия.

Основной функцией дракона в различных религиозных практиках является вызывание дождя¹⁹⁸, так как считалось, что облака и тучи¹⁹⁹ всегда следуют за ним²⁰⁰.

Следует заметить, что среди многих титулов государя в Древнем Китае наиболее почетным был «живой дракон». Императорский трон именовался «драконьим престолом». Легендарный правитель *Фуси* (кит. 伏羲) ввёл, по преданию, чины и ранги для своих чиновников и каждому из классов назначил отдельного драконьего покровителя. Парадные одеяния чиновников высшего ранга украшал золотошвейный дракон-лун, у которого на лапах было по пять когтей²⁰¹. На одежде менее высокопоставленных лиц разрешалось изображение дракона, обладавшего уже только четырьмя когтями и тремя когтями. Стоит отметить, что наличие, в большинстве случаев, только трёх когтей является характерной особенностью японских драконов²⁰². Это,

¹⁹⁸ Древние китайцы побуждали его к этому различными способами. В некоторых случаях, например, создавались глиняные фигурки драконов, которые при проведении различных магических манипуляций бросали в водоём, где якобы могли обитать эти создания. Также вместе с глиняными изображениями в воду могли бросаться ядовитые растения или кости тигра. Подобные практики могли дополняться созданием ужасного шума или использованием специальной обрядовой утвари, украшенной изображениями драконов. Конечной целью подобных магических ритуалов было принуждение драконов следовать за своим изображением и подняться из водоёма, где они обитали. Иногда применялись довольно жестокие меры, чтобы заставить драконов подняться из глубины и вызвать дождь, если успеха долгое время не удавалось достичь. Изображение дракона или, если верить древнекитайским трактатам, живую особь могли сечь кнутом, дабы принудить других собратьев к взлёту. Также на возвышенности помещали обнажённую женщину, как приманку для дракона. Но при его появлении шаманы, при помощи определённых магических приёмов, не позволяли созданию дотронуться до женщины. Это приводило дракона в ярость, в результате чего шёл проливной дождь. Последняя разновидность магических ритуалов являлась весьма распространённой в Китае (особенно начиная с VIII-IX вв.), в связи с чем она позже обрела популярность как на Корейском полуострове, так и в Японии. Для вызывания дождя зачастую прибегали к помощи магических зеркал, на заднике которых был изображён *пань-лун* (кит. 蟠龍; «свернувшийся дракон, который ещё не поднимался на небеса»). Вероятно, именно такие зеркала пользовались успехом у правителей молодого государства *Ямато*. Подтверждение тому, что, по мнению древних китайцев, нарисованные драконы были столь же могущественны, как настоящие, можно найти в даосском трактате *Юньцзицицинь* (кит. 雲笈七籤; конец X – начало XI века), где содержится история о непересыхающем колодце, перед которым на стене был нарисован дракон, которому молились о ниспослании дождя.

¹⁹⁹ *Фиссер М.В.* Драконы в мифологии Китая и Японии. – с.127-128.

²⁰⁰ *Юань Кэ 袁珂.* Чжунго шэньхуа-чуаньшо цыдянь 中国神话传说词典 («Словарь мифов и легенд Китая»), Шанхай: Шанхайское издательство словарей и справочников, 1985. – с.117.

²⁰¹ В тоже время драконы могли разделяться не только по числу когтей. На высшей ступени иерархии стояли драконы, умеющие летать. У них в подчинении находились духи-драконы. Далее шли земные драконы, которые когда-то были летающими, но по разным причинам утратили эту способность. Замыкали список подземные драконы, в чью обязанность вменялась охрана кладов.

²⁰² См. приложение 2.

возможно, связано с тем, что правители протояпонских государств (яп. 奴国 – *На-коку*, «Страна На»; яп. 邪馬台国 – *Яматай-коку*, «Страна Яматай» и др.), при установлении дипломатических миссий и принятии титула *вана* (кит. 王) (вероятно, вместе с привилегией пользоваться эмблемой китайского дракона) от китайского государя, становились членами китаецентрической системы международных отношений, признавая свою зависимость от Китая. Судя по всему, драконы-лун исходно связывались в китайской культуре с институтом верховной власти и государственностью²⁰³.

В китайской изобразительной традиции существуют две основные линии в художественных трактовках дракона, которые начинают отчётливо прослеживаться уже в искусстве иньской (1600–1027 до н. э.) и чжоуской (1045–221 до н. э.) эпох. В одних стилистических вариациях этого мотива преобладают черты пресмыкающихся, в других – звериные черты с проработкой соответствующих элементов (оскаленная звериная пасть, когти хищного млекопитающего, грива). В чжоускую эпоху драконы с преобладанием змеиных черт чаще всего фигурировали в искусстве центральных регионов Китая, в то время как изображения «зверо-дракона» встречались в южных и юго-западных краях. Судя по всему, образ дракона-лун стал складываться в период Борющихся царств (кит. 戰國時代 – *Чжаньго-шидай*; V в. до н. э. – 221 г. до н. э.), вобрав в себя признаки обеих вышеупомянутых изобразительных традиций²⁰⁴. Дальнейшее развитие²⁰⁵ художественного исполнения лун происходило отдельно для иконографий различных подвидов²⁰⁶. В целом, в своём наиболее каноничном виде

²⁰³Кравцова М.Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая. – с. 388-389.

²⁰⁴Кравцова М.Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая. – с. 388.

²⁰⁵ Поскольку именно основателем данной династии это существо было официально провозглашено эмблемой имперской власти.

²⁰⁶ Образ *Хуанлуна* (кит. 黃龍 – Жёлтый Дракон), например, начал складываться уже при *Хань* (кит. 漢朝, 206 до н. э.– 220 н. э.). Разработка иконографии непрерывно продолжалась вплоть до XIII–XV вв., однако основные изобразительные признаки дракона-лун смогли оформиться уже к моменту установления первых дипломатических контактов древнеяпонских политий с континентом.

китайский дракон предстаёт с головой верблюда (или лошади; реже могут просматриваться волчьи черты), рогами (часто оленьими), глазами зайца, бычьими ушами, змеиной шеей, животом морского чудовища, телом, покрытым рыбьей (карпа) чешуей, и звериными лапами, заканчивающимися когтями ястреба²⁰⁷. Как видно, в этом образе присутствуют черты очень многих групп животных (рыб, пресмыкающихся, птиц, диких и домашних животных), что во многом объясняет исключительное положение дракона в китайской мифологической традиции, в качестве «царя всех живых существ»²⁰⁸.

Ознакомившись с основными сведениями о драконах в китайской мифологии, их функциями и иконографией, можно приступить к рассмотрению отображения сходных персонажей в культуре Японии.

2.1.2. Японская интерпретация дракона-лун

Вероятно, дракон-лун в том или ином виде впервые мог проникнуть на Японский архипелаг вместе с переселенцами из южнокорейских земель в I в. до н.э. – II в. н.э.²⁰⁹. Китайский дракон (кор. ханча龍, хангыль룡 – рён, 용 – ён) весьма гармонично внедрился в костяк древнекорейской мифологико-религиозной системы, заняв там по китайскому образцу одно из ключевых мест²¹⁰. Представляя собой один из наиболее видных символов континентального интеллектуального наследия, этот образ, таким образом, сравнительно быстро смог приспособиться и к аутентичной культурной традиции древних японцев. Однако некоторые драконоподобные существа были известны в рамках синтоистской традиции. Поэтому стоит обратиться именно к этому древнейшему пласту японского религиозного мировоззрения.

²⁰⁷ Там же, с. 389

²⁰⁸ См. приложение 1.

²⁰⁹ История древней Японии. Учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. – с.100-101.

²¹⁰ Ода о драконах, летящих к небу / пер. со среднекорейского, стихотворное переложение Е.Н. Кондратьевой. – с.9-17.

Змеи в религии синто являются символом плодородия, неудержимой страсти и стихийных природных явлений. Эти создания олицетворяют связь между миром смертных и вечной жизнью. Синтоистские верования о различных *ками* в змеиных обликах постепенно тесно переплелись²¹¹ с буддийскими представлениями о *нагах* (змеях в индийской мифологии)²¹². В поздней синкретической синто-буддийской традиции змеи стали ассоциироваться с божеством *Бэндзайтэн* (яп. 弁才天, 弁財天), японской интерпретацией индийской богини мудрости, красоты и красноречия *Сарасвати*²¹³. Змея и японский дракон часто взаимозаменяемы, и поэтому между ними не делается сильного различия. Традиционное отождествление змеи с богом грома и дождя имеет прямые аналогии в Китае, в случае с древнейшими хтоническими праобразами дракона-лун. Также стоит отметить то, что змей в синтоизме испытывает страх перед железными предметами подобно китайскому дракону. Например, отсылка к этому факту приводится в преданиях «*Нихон рё:ики*» (яп. 日本靈異記), в легенде о мальчике, рождённом с помощью грома. Здесь содержатся наиболее архаичные представления о змее, дарующем силу и удивительные способности. В сказании говорится, что крестьянин поднимает железную мотыгу при звуке грома. В оригинале сказано, что он проделывает это в страхе, т. е. как бы заслоняется мотыгой, чтобы защититься от разбушевавшегося змея-громовика²¹⁴.

211 Хотя, нужно отметить, что процесс такой интеграции буддийских воззрений был несколько «болезненным» для автохтонной религиозной системы, т.к. не все исконные японские верования о змеях (как о неизбежно вредоносных существах) органично соотносились с континентальными мотивами (о «добродетельных змеях» или благородных драконах-лун).

212 W. Michael Kelsey. Salvation of the Snake, the Snake of Salvation: Buddhist-Shinto Conflict and Resolution. Japanese Journal of Religious Studies, 8/1-2 March-June 1981. – p.83-111.

213 Нэцкэ. Миниатюрная скульптура Японии из частных коллекций: каталог выставки / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2016. – с.118.

214 Нихон рё:ики – японские легенды о чудесах: Свитки 1-й, 2-й и 3-й//Пер., предисл. и коммент. А.Н. Мещерякова. – с. 37-39.

Поэтому неудивительно, что посылающие дождь японские боги (яп. 神 – *ками*) рек и прочих водоёмов, благодаря своему змеиному облику и ряду других специфических черт идентифицировались позднее с похожими, но более фантастичными китайскими персонажами. В самых старинных произведениях «японские драконы» упоминаются по-разному²¹⁵, но чаще всего как водяные чудовища в образах змей (например, в «Кодзики» яп. 古事記)²¹⁶, китайско-корейских дракономорфных существ (в «Нихон сёки» яп. 日本書紀)²¹⁷ или так называемых *вани*²¹⁸.

Таким образом, китайские идеи и традиции прилагались к древним синтоистским божествам. Драконы идентифицировались как «хранители веры» в синтоизме, вероятно, под влиянием поздней буддийской концепции о так называемых «защитниках учения Будды» – *дхарманалах* (кит. 護法神 – *Хуфашиэнь*, «божество-защитник дхармы»). В зрелом японском фольклоре драконы стали намного более доброжелательными существами, нежели в древние времена, возможно из-за сильного влияния китайского отношения к этим созданиям²¹⁹.

Японские драконы, как уже было отмечено, тесно связаны с водой, причём ассоциируются они, прежде всего, с морем. Так мифологическая традиция Японии отражает географические особенности страны. Наивысшее положение среди *ками* морских пучин отводится японскому богу-дракону – *Рю:дзину*.

Рю:дзин (яп. 龍神 – «бог-дракон»; также яп. 海神, 綿津見 – *Ватацуми*) в японской мифологии и синтоистской религии является богом-покровителем

²¹⁵ Фиссер М.В. Драконы в мифологии Китая и Японии. – с. 3-4.

²¹⁶ Синто – путь японских богов: в 2 т. Т II. Тексты синто. – с.12, 38-41.

²¹⁷ Там же, с.61.

²¹⁸ Там же, с.63-68.

²¹⁹ Фиссер М.В. Драконы в мифологии Китая и Японии. – с.171-175.

Японии²²⁰, хозяином моря и всех его обитателей²²¹. Традиционно этот персонаж предстал не только в виде огромного змея (поздняя иконография этого *ками* окончательно переходит на образ дракона-лун), но также в виде старца, облаченного в одеяние китайского императора, держащего в руках жемчужину приливов и отливов. По поверьям, он владеет несметными сокровищами²²² и является богатейшим существом в мире. Скорее всего зачатки верований о морском змее были известны на японских островах ещё в эпоху *Дзёмон* и потому имеют австронезийское происхождение; китайско-корейское влияние здесь можно проследить в причислении данного божества к категории не просто змеев, но драконов-царей (кит. 龍王 – *лун-ван*), которые в китайской мифологии считались повелителями четырёх морей: Восточного, Южного, Западного и Северного²²³.

Стоит отдельно рассмотреть такое существо как *вани*. Обращение к этому персонажу поможет обозначить ряд отличий в иконографии японского дракона от китайского изобразительного канона.

Слово «*вани*», записываемое иероглифом, обозначающим крокодила (鱷), или фонетически (和邇), обнаруживается уже в «*Кодзики*» (яп. 古事記)²²⁴ и «*Нихонги*» (яп. 日本紀)²²⁵, где в разных местах повествования иногда заменяется словом «дракон» (яп. 龍 – *рю:*)²²⁶. В целом, *вани* представляет

²²⁰ Именно *Рю:дзину* приписывается вызов урагана, который потопил монгольскую флотилию (40 тысячное войско на 900 кораблях), посланную ханом Хубилаем с целью завоевания Японии.

²²¹ Там же, с.217.

²²² *Рю:дзин* живёт в роскошном хрустальном дворце на самом дне моря.

²²³ Юань Кэ 袁珂. Чжунго шэньхуа-чуаньшо цыдянь 中国神话传说词典 («Словарь мифов и легенд Китая»). – с.118-119.

²²⁴ «*Кодзики*» (яп. 古事記, «Записи о деяниях древности») или «*Фурукотофуми*» (яп. ふることふみ) – крупнейший памятник древнеяпонской литературы.

²²⁵ «*Нихонги*» (яп. 日本紀, «Анналы Японии») или «*Нихон сёки*» (яп. 日本書紀, букв. «Записанные кистью анналы Японии») – один из древнейших письменных памятников Японии.

²²⁶ Например, в одной версии легенды о *Хоходэми* говорится, что морская принцесса стала *вани*, в другой – что обратилась драконом.

собой некое морское чудовище-рептилию (иногда с рыбьими элементами, например, спинными плавниками)²²⁷, живущее в подводном дворце Царя-дракона²²⁸. Некоторые исследователи полагают, что сказания о *вани*, как и само это слово, имеют австронезийское, а не китайское, корейское или индийское происхождение.²²⁹ Можно предположить, что подобные легенды ведут своё начало из культуры эпохи *Дзё:мон*. Вполне возможно, что некая интерпретация распространённого в Азии мифа о подводном дворце и его обитателях говорила именно о крокодилах²³⁰ (как на то указывает китайский иероглиф)²³¹, поэтому смутные представления об этих животных сохранились в Японии с древнейших времён²³².

Постепенно образ *вани* стал вытесняться китайскими дракономорфными персонажами. В частности, иконография этого морского чудовища базируется на китайском изобразительном каноне для дракона-лун²³³, хотя известен пример изображения *вани* в облике обычного крокодила. В любом случае, присутствие в японской традиции древних «крокодильных мотивов» вполне может объяснить природу отличий в японском представлении дракона от китайских образцов.

Дракон достаточно широко представлен в искусстве Японии, в частности, в буддийском, однако самые ранние его изображения представляют собой точные копии²³⁴ континентальных образцов. Например,

²²⁷ Синто – путь японских богов: В 2 т. Т II. Тексты синто. – с.68.

²²⁸ Упоминание *вани* присутствует в легенде о *Хоори-но микото* (яп. 火遠理命), который был одним из прародителей императоров Японии. В одной из версий предания сказано, что морская принцесса, дочь Царя-дракона, превратилась в большого «медведя-вани, восьми сажень в длину» – *Яхиро-но-кумавани* (яп. 八尋熊鱈).

²²⁹ Фиссер М.В. Драконы в мифологии Китая и Японии. – с.159-160.

²³⁰ Скорее всего, речь идёт о гребнистом крокодиле, также известном как морской крокодил.

²³¹ В то время как классическая индийская версия этого мифологического мотива говорит о змеях – *нагах*.

²³² Там же, с.160-161.

²³³ Там же, с.159-161.

²³⁴ Искусство Японии. Сборник статей. М., Издательство «Наука», 1965. – с.42.

изображения китайских драконов-лун можно обнаружить в декоре храма VII в. *Хорю-дзи* (яп. 法隆寺)²³⁵, в интерьере и экстерьере другого святилища VIII в. *То:дай-дзи* (яп. 東大寺)²³⁶, в украшениях монастыря IX в. *Тю:сон-дзи* (яп. 中尊寺)²³⁷. Следование предписаниям китайского канона в иконографии дракономорфных существ удовлетворяло вкусы правящей элиты, однако уже в X-XIII столетиях наметилась тенденция по некоторому сглаживанию китайских изобразительных практик²³⁸. Поэтому в искусстве данного периода можно обнаружить примеры самобытной японской импровизации на тему заимствованных с континента портретов фантастических созданий. Сама морфология дракона-лун, в принципе, не изменилась, сохраняя все черты китайского канона, однако сами эти черты могли задействоваться при воспроизведении образов других сверхъестественных созданий. Например, в буддийской скульптуре Японии некоторые фигуры демонов (защитников учения) исполнялись с головой дракона-лун²³⁹. Однако, в целом, наличие каких-либо кардинальных изменений в иконографии китайского дракона в японском искусстве VI–XVI веков не наблюдается. Поэтому характерные особенности японского изобразительного воспроизведения драконов стоит искать в наследии более поздних эпох, в рамках не религиозной и аристократической, а народной и городской культур. Исходя из этого, наибольший интерес представляет традиция гравюр в стиле *укиё-э* (яп. 浮世絵) периода *Эдо* (яп. 江戸時代 *эдо-дзидай*; 1603–1868).

К образу дракона обращались многие знаменитые художники, такие как *Кацусика Хокусай* (яп. 葛飾北斎, 1760–1849), *Утагава Куниёси* (яп. 歌川

²³⁵ *Иэнага Сабуро*. История японской культуры. – с.60.

²³⁶ *Конрад Н.И.* Очерк истории культуры средневековой Японии VII-XVI веков. – с.44-47.

²³⁷ Там же, с.62.

²³⁸ Там же, с.68-70.

²³⁹ Там же, с.98.

国芳, 1798–1861), *Огата Гэкко* (яп. 尾形月耕, 1859–1920). В качестве примера можно рассмотреть творчество иллюстратора и гравёра *Кацусика Хокусая*²⁴⁰. Не возникает никаких сомнений в том, что драконы, появляющиеся в сюжетных линиях его произведений, проработаны с учетом китайского канона изображения дракона-лун. Однако некоторые элементы в прорисовке этого существа во многих его работах имеют специфическую особенность, заключающуюся в гиперболизированной проработке «змеиных» черт²⁴¹ строения и рудиментации «звериных» атрибутов²⁴². Так, у многих его персонажей-драконов отсутствует распространённый для китайской изобразительной традиции компонент – львиная грива²⁴³. Кроме того, в японском искусстве такой важный элемент для китайского *луна*, как рыба (карпа) чешуя, нередко прорисовывается не так выражено, как в классической китайской практике. Рыба (по умолчанию) чешуя изрядно стилизуется и отдалённо, всё же, тяготеет к коже змеи или крупной рептилии (крокодила). То же обстоит и с лапами японского дракона в работах Хокусая²⁴⁴ и многих других мастеров гравюры, нэцкэ, художественного лака (мало отсылок на их «звериность», преобладает, скорее, изображение конечностей пресмыкающегося²⁴⁵; в китайском каноне *луна* имеет тигриные лапы с когтями хищной птицы)²⁴⁶. Волосной покров вдоль хребта (как продолжение гривы у драконов-луна) заменяется исключительно гребнем из

²⁴⁰ См. приложение 2, 1-2.

²⁴¹ См. приложение 2.

²⁴² Фиссер М.В. Драконы в мифологии Китая и Японии. – с.241-244.

²⁴³ Зачастую она очень мала или стилизована так, что можно рассматривать её не как шерстный покров, а как, быть может, роговые пластины или шипы.

²⁴⁴ См. приложение 2.

²⁴⁵ Нэцкэ. Миниатюрная скульптура Японии из частных коллекций: каталог выставки. – с.110.

²⁴⁶ Фиссер М.В. Драконы в мифологии Китая и Японии. – с.241.

шипов²⁴⁷, шерстяные элементы на лапах (область локтевого сустава)²⁴⁸ также отсутствуют²⁴⁹. Пожалуй, только в начертаниях головы японского дракона всё же прослеживается тенденция к китайской каноничности (верблюжьей, лошадиной, изредка волчьей черты²⁵⁰ и наличие длинных сомьих усов)²⁵¹. Однако здесь тоже может встречаться самобытное японское преувеличение некоторых элементов. Например, каноничный волчий (или кошачий) нос иногда выполняется в весьма антропоморфной²⁵² манере²⁵³.

Как отмечалось ранее, стандартизированное изображение дракона-*лун* представляет собой сочетание ярко выраженных компонентов, принадлежащих животным абсолютно дифференцированных по отношению друг к другу групп. Это подчёркивает первенство дракона над всем животным миром, а исторически такой образ мог быть рождён при слиянии тотемов древнейших племён Китая. Поскольку такой опыт, связанный с атрибутикой дракона в Китае, для Японии был инородным и, возможно, малопонятным, то можно предположить, что народная память дополняет привнесённые мотивы характерными чертами древних синтоистских персонажей (змеев, морских чудовищ *вани*). Вероятно, это может частично объяснить, почему драконы на японских картинах²⁵⁴ не всегда являются чистыми кальками с китайских изображений.

²⁴⁷ Нэцкэ. Миниатюрная скульптура Японии из частных коллекций: каталог выставки. – с.110.

²⁴⁸ Часто сохраняются в китайских изображениях, даже если лапы дракона не выполнены полностью в «зверином» стиле.

²⁴⁹ Фиссер М.В. Драконы в мифологии Китая и Японии. – с.241-244.

²⁵⁰ Что же касается прорисовки вибриссов на таких мордах, то здесь японская манера исполнения отличается заметной детализацией.

²⁵¹ Там же, с.241.

²⁵² См. приложение 2, 3-й пункт.

²⁵³ Нэцкэ. Миниатюрная скульптура Японии из частных коллекций: каталог выставки. – с.115.

²⁵⁴ Гравюры *укиё-э* (яп. 浮世絵) в этом отношении наиболее ценны для исследователя, так как являлись предметом городской, народной культуры, а не произведениями, которые создавались для знати и императорского двора, а потому полностью копирующими китайские образцы.

2.2. Образ лисицы-оборотня в мифологии Китая и Японии

2.2.1. Демонические лисы в китайских верованиях

Среди многих зверей-демонов, лиса является собой самый наглядный и яркий пример оборотничества в китайской мифологии.

Стоит отметить, что образу этого зверька как таковому в китайской мифологической традиции явно присуща некая двойственность: лису могут считать как вредоносной нечистью²⁵⁵, так и существом, дарующим благополучие. Лисица – низшее божество, занимающее промежуточное, второстепенное положение в системе народных верований Китая. В этом, вероятно, и кроются причины дуализма, всплывающего при трактовке её образа²⁵⁶.

В любом случае, лисы в китайской традиции всегда наделены ограниченным рядом функций, следовательно, будучи представителями нечистых сил, либо имея ранг низших божеств-добродетелей, они всегда выступают лишь на том «поприще», где их действия имеют конкретный смысл²⁵⁷.

В китайском комплексе народных верований лисица считается духом-помощником в делах сельского хозяйства, ростовщичества, торговли. Этот зверь являлся объектом поклонения, как распределитель ресурсов и «домостроитель»²⁵⁸ (условно назовём этот образ «лисой-экономиссой»), особенно в крестьянской среде. В даосской традиции лиса воспринималась как адепт различных гармонизирующих духовных практик (лисица-алхимик)²⁵⁹; это животное может намеренно совершенствовать свой природный магический потенциал. Однако крестьянский менталитет

²⁵⁵ *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. – М.: «Издательство Апрель», ООО «Издательство АСТ», Издательско-продюсерский центр «Дизайн. Информация. Картография», 2000. – с. 238.

²⁵⁶ *Тертицкий К.М.* Культ лисы в Маньчжурии в 1920-1940-е годы. – с.287-288.

²⁵⁷ Там же, с.282-288.

²⁵⁸ Там же, с.285-286.

²⁵⁹ Там же, с.288.

наделяет лису способностью к сверхъестественным действиям как таковым, не требующим каких-либо благих усилий с её стороны. Так или иначе, но лисицам всегда приписывались коварство и агрессия, зачастую ничем не спровоцированные, исходящие только из её тёмной природы. Например, в китайских сказаниях они могут быть врачевателями, хотя порой исцеляют как раз те болезни, которые сами и наслали²⁶⁰. Уже в III веке до н. э. в сознании китайцев укоренилось видение лисицы как вредоносного существа. Об этом, в частности, свидетельствовал знаменитый философ *Чжуан-цзы* (кит. 莊子, 369-286 до н. э.). В дальнейшем дурная репутация лисы ещё больше окрепла в народном сознании²⁶¹. В различных династийных историях, датированных III и IV веками²⁶², уже обнаруживаются сведения о том, что лисица способна не только помогать людям, но и вредить им, например, насылая безумие или совершая поджоги²⁶³. Грань рафинированного добра и зла в подобных сказаниях о лисах-берегинях или лисах-демонах обнаруживается крайне условная, зависящая от контекста²⁶⁴.

В китайской демонологии существует несколько возрастных категорий волшебных лис: молодняк²⁶⁵, вредоносные оборотни-суккубы²⁶⁶ (狐妖 —ху-яо)²⁶⁷, поддерживающие своё долголетие благодаря интимному

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ *Вернер Эдвард*. Мифы и легенды Китая. – с.327-336.

²⁶² *Алимов И.А.* Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. СПб.: Изд-во «Наука», 2008. – с.48-49.

²⁶³ *Гроот Я.Я.М., де*. Лисы-демоны // Религиозный мир Китая 2005. М., 2006. – с.219.

²⁶⁴ Стоит отметить тот общий факт, что в китайской религиозной традиции вообще не наблюдается наличие твёрдо организованных начал зла.

²⁶⁵ Молодые особи, ничем не отличающиеся от обычных животных.

²⁶⁶ *Пу Сунлин*. Рассказы Ляо Чжяя о необычайном / Пер. с кит. В.М. Алексеев. – М.: Художественная литература, 1983. – с.86-180.

²⁶⁷ В фольклоре они предстают красавицами, соблазняющими юношей. Именно такие лисы-оборотни чаще всего фигурируют, например, в фантастических рассказах (кит. 小說 – сяошо) VIII—XIX вв.

вампиризму²⁶⁸, и тысячелетние «святые лисы» (кит. 狐仙 – ху-сянь), известные также как небесные (кит. 天狐 – тьяньху) (часто белого цвета, с девятью хвостами), которые считаются полноценными божествами²⁶⁹. К последнему разряду, например, скорее всего, можно отнести *Тяньма* (кит. 天馬) – способное летать существо, похожее на белую собаку (или песца) с чёрной головой²⁷⁰.

Вообще, можно провести одну любопытную линию между лисой-берегиней и лисой-суккубом в китайской религиозно-мифологической традиции²⁷¹. Лиса – охранитель зерновых ресурсов, поэтому способна управлять и пользоваться ими как угодно. Другой образ лисы – похитительница жизненных сил, прежде всего мужских. Витальные силы *цзин-ци* (кит. 精氣, где 精 – сперматическая эссенция, а 氣 – пневма, энергия дыхания; оба понятия имеют общий ключ *ми* 米 – зерно, «пища»)²⁷², которые лиса-оборотень абсорбирует в процессе энергетического вампиризма, и зерно (кит. 米), которое лисица бережёт и пополняет в качестве божества-обогапителя, имеют одинаковую природу²⁷³. То есть, если лиса способна манипулировать количеством, качеством, перемещением зерновых культур, то она так же может поступать с человеческими энергетическими

²⁶⁸ *Bane Theresa*. Encyclopedia of Vampire Mythology. McFarland & Company, Inc., Publishers (Jefferson, North Carolina, 2010), pp.75-76.

²⁶⁹ *Алимов И.А.* Китайский культ лисы и «Удивительная встреча в Западном Шу» Ли Сянь-миня // Религиозный мир Китая 2005. М., 2006. – с.241-242.

²⁷⁰ *Юань Кэ 袁珂*. Чжунго шэньхуа-чуаньшо цыдянь 中国神话传说词典 («Словарь мифов и легенд Китая»). – с.63.

²⁷¹ *Тертицкий К.М.* Культ лисы в Маньчжурии в 1920-1940-е годы. – с.286.

²⁷² *Цзин-ци* имеет вполне ясно выраженную питательную ценность, подобно злакам, связанную с началом *ян* (陽). Стоит отметить, что одно из первых значений иероглифа *цзин* – «отборный, очищенный рис».

²⁷³ *Тертицкий К.М.* Культ лисы в Маньчжурии в 1920-1940-е годы. – с.286.

ресурсами²⁷⁴, которыми питается²⁷⁵. Вероятно, по этой причине в китайских легендах лисиц-демонов часто называют *хули-цзин* (кит. 狐狸精). При этом сам термин *цзин* (精) здесь уже можно перевести просто как «дух» («лисица-призрак»)²⁷⁶.

Если образ лисы рассматривать только как некое благое существо, то стоит отметить, что этот зверь в Китае входил в разряд покровителей местности²⁷⁷ *туди* (кит. 土地)²⁷⁸. Очень часто вместе с лисицей в этом списке значится колонок или хорёк (кит. 鼬 – ю)²⁷⁹. По каким-то причинам, именно этим животным приписывалась тяга к самосовершенствованию, так как считалось, что они наделены мощным духовным началом²⁸⁰ (кит. 靈性 – лин-син)²⁸¹. Благодаря этим внутренним силам они непроизвольно склоняются к выполнению практик, направленных на достижение бессмертия²⁸².

²⁷⁴Логично было бы предположить, что в этом и кроется секрет успеха лисы, как врачевателя.

²⁷⁵*Vane Theresa*. Encyclopedia of Vampire Mythology. McFarland & Company, Inc., Publishers (Jefferson, North Carolina, 2010), pp.75-76.

²⁷⁶*Тертицкий К.М.* Культ лисы в Маньчжурии в 1920-1940-е годы. – с.286.

²⁷⁷Там же, с.284-285.

²⁷⁸ Там же, с.282.

²⁷⁹ Там же, с.281-282.

²⁸⁰ В Китае (преимущественно в северных регионах) духам-патронам местности молились, как охранителям имущества и богам материального процветания (кит. 財神 – цай-шэнь), пытались умиловить подношениями, но прямых контактов всегда остерегались и всячески избегали. Причина – непостоянство и обидчивость животных-покровителей. Они во многом уступали, например, духам-змеям, так как считалось, что «змеиные блага» даруются раз и навсегда. Лиса же часто прибегала к тому, что китайцы называли «*син иця, бай и цзя*» (кит. 興一家敗一家) – благоприятствовала процветанию одного семейства, разорив другое.

²⁸¹*Алимов И.А.* Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. Спб.: Изд-во «Наука», 2008. – с.52.

²⁸²Процедура выглядела следующим образом. В тёмное время суток лиса выпускает наружу и вновь заглатывает субстанцию своей души – *юань-ци* (кит. 元氣 – изначальная *ци*), способную покидать тело и принимать сферическую форму. «Жемчужина» – лисья душа, представляющая собой огненный шар, окружённый светло-голубыми пламенем. Во время очищения своего *юань-ци*, лисица пребывает в состоянии транса, а потому особенно уязвима. Если этот огненный шар будет унесён или повреждён кем-нибудь, то все благие заслуги будут утрачены. Поэтому лисы очень тщательно выбирают места для проведения алхимических практик. Древняя могила – наиболее предпочтительный вариант для подвижнических упражнений, особенно, если такое захоронение, в котором лиса делает себе нору, будет располагаться в горном районе – месте силы. Вообще лисы имеют склонность рыть свои норы в местах погребений. Возможно, именно поэтому издревле они связывались с миром мёртвых.

Рассмотрев основные положения о природе лисьего демонизма в Китае можно перейти теперь к ознакомлению с аналогичным феноменом в японской мифологической традиции.

2.2.2. Образ лисы в японской культуре

В Японии, как и в Китае, лисицы представляют собой одну из разновидностей животных-оборотней. В частности, им приписывались умение изменять свой облик, способность насылать болезни и миражи и т. п.²⁸³. Однако первоначально образ лисицы в японской культуре был лишён каких-либо серьёзных отрицательных характеристик. Так, *Янагита Кунио* (яп. 柳田國男, 1875–1962), выдающийся японский философ, краевед и исследователь фольклора, утверждал, что все представления о лисах, как исключительно о злобных демонах, имеют иностранное (т.е. китайское) происхождение²⁸⁴. Исходно японские синтоистские концепции относительно лисиц были совсем иными. В Японии лиса искони ассоциировалась с *Инари* (яп. 稻荷, также 稻荷神 – *инари-син*, 稻荷大神 – *инари-ооками*) – божеством плодородия и успеха в торговле²⁸⁵. Вероятно, изначально этот *ками* (яп. 神) считался одним из многих духов полей и почитался в качестве родового божества. *Кичунэ* (яп. 狐 – лисица), в свою очередь, издревле считалась воплощением таких духов или же их посланником²⁸⁶.

В 711 году на горе *Инари* было построено святилище *Фусими Инари Тайся* (яп. 伏見稻荷大社) после того, как на этом месте впервые явился этот *ками*, подтвердив необходимость своего почитания, как

²⁸³Ильина Н. Японская мифология: Энциклопедия. – с.204-206.

²⁸⁴Накорчевский А.А. Синто. – с.419-420.

²⁸⁵Там же, с.420.

²⁸⁶Smyers, Karen Ann. The Fox and the Jewel: Shared and Private Meanings in Contemporary Japanese Inari Worship. Honolulu: University of Hawaii Press, 1999. p.15.

помощника в земледелии и шелководстве²⁸⁷. В рамках синто-буддийского синкретизма укреплению культа этого божества способствовал тот факт, что в школе *Сингон* (яп. 真言)²⁸⁸ одними из самых почитаемых божеств были *Дакини* (яп. 荼枳尼天 – *Дакинитэн*)²⁸⁹, *ваханами*²⁹⁰ которых являются лисы²⁹¹. Инари могли представлять как в женском облики, так и в мужском, пол божества мог варьироваться в разных регионах в соответствии с местными традициями²⁹². Как правило, Инари изображали в образе прекрасной девушки либо старца²⁹³, несущего рис. Также некоторую популярность получил образ андрогинного бодхисаттвы²⁹⁴.

Инари, будучи первоначально только земледельческим божеством, в дальнейшем снискало популярность среди купцов и ремесленников. Постепенно стали складываться особые обычаи, благодаря которым кумирни, посвящённые данному *ками*, приобрели ряд отличительных примет. В качестве благодарности за покровительство в торговых делах к святилищам стали пристраивать многочисленные ворота-*тори* (яп. 鳥居 – «птичий насест»)²⁹⁵. Кроме того, перед входом стало принято устанавливать каменные изваяния лисиц – помощников божества²⁹⁶, которые замещали традиционные

²⁸⁷Накорчевский А.А. Синто. – с.127.

²⁸⁸Одна из основных буддийских школ в Японии, принадлежащая направлению ваджраяны., основателем которой был легендарный монах *Кукай* (яп. 空海).

²⁸⁹*Smyers, Karen Ann. The Fox and the Jewel: Shared and Private Meanings in Contemporary Japanese Inari Worship. Honolulu: University of Hawaii Press, 1999. – p.82-83.*

²⁹⁰ В буддийской традиции существа, используемые богами как средство передвижения.

²⁹¹Накорчевский А.А. Синто. – с.128-129.

²⁹²*Smyers, Karen Ann. The Fox and the Jewel: Shared and Private Meanings in Contemporary Japanese Inari Worship. Honolulu: University of Hawaii Press, 1999. – p.8.*

²⁹³*Ibid*, p.8.

²⁹⁴*Visser M.W. de. Transactions of Asiatic society of Japan. The fox and badger in Japanese folklore. Printed at the Fukuin Printing Co., Ltd. No. 81. Yamashita Cho, Yokohama, Japan. 1908. – p.137 .*

²⁹⁵Там же, с.129-130.

²⁹⁶Там же, с.130.

для синтоистских храмов изображения львов-собак *комаину* (яп. 狛犬). Такие статуи *кицунэ* часто воспринимались верующими в качестве непосредственных воплощений *Инари*²⁹⁷. Как правило, каменные лисы располагались парами по обеим сторонам от главного входа, представляя собой своеобразную стражу. Они изображались держащими камень, ключ, свиток, сноп риса или лисёнка.²⁹⁸

Итак, изначально считалось, что лисы являются посланниками *ками*, но постепенно эта связь настолько упрочилась в народных верованиях, что божество *Инари* само стало изображаться в виде лисы. Когда в Японию проникли китайские сказания о лисах-оборотнях, то синтоизм с готовностью воспринял эти иноземные элементы²⁹⁹, тем более что во многих отношениях китайские идеи были созвучны исконным японским воззрениям³⁰⁰. Таким образом, японские легенды о *кицунэ* обогатились и смешались с иноземными сюжетами. Образ *Инари*, в результате, также стал наделяться новыми характеристиками и функциями. Например, это божество стали почитать как покровителя плотских утех (отсылка на образ лисы-оборотня – коварной соблазнительницы)³⁰¹. Функции *Инари* продолжали расширяться и в других областях: будучи божеством материального благополучия, *ками* стал считаться помощником во всех сферах деятельности, связанных с финансами, торговлей и промышленностью³⁰². Были распространены верования, что этот *ками* может предотвращать пожары (образ лисы как символ стихии огня; в Китае – лиса-поджигатель). Кроме того, *Инари* и помощники-лисы стали восприниматься покровителями актёров и гетер (с одной стороны этому

²⁹⁷Smyers, Karen Ann. The Fox and the Jewel: Shared and Private Meanings in Contemporary Japanese Inari Worship. Honolulu: University of Hawaii Press, 1999. p.93.

²⁹⁸Ibid.

²⁹⁹ Нэцкэ. Миниатюрная скульптура Японии из частных коллекций: каталог выставки. – с.204-205.

³⁰⁰Лиса в Китае не только демон, но и почитаемое божество, наделяемое теми же функциями, что и *Инари*.

³⁰¹Накорчевский А.А. Синто. – с.130.

³⁰²Smyers, Karen Ann. The Fox and the Jewel: Shared and Private Meanings in Contemporary Japanese Inari Worship. Honolulu: University of Hawaii Press, 1999. – p.133.

способствовал всё тот же образ китайской лисы, с другой – тот факт, что святилища *Инари* часто строились вблизи соответствующих кварталов). Затем Инари стали приписывать способность исполнять любые желания, а так же избавлять от различных недугов (чаще всего молили излечить от кашля³⁰³, переломов, зубной боли, головной боли и сифилиса)³⁰⁴.

Таким образом, разные концепции о лисицах-духах в Японии объединились в один устойчивый комплекс в рамках культа *Инари*.

Под влиянием китайских сказаний о лисах-демонах в японской мифологии *кицунэ* также принято считать разновидностью нечисти – *ё:кай* (яп. 妖怪)³⁰⁵. Этот противоречивый образ является одним из самых распространённых оборотней в японском фольклоре вместе с рядом других родственных ему животных³⁰⁶, которых в западной традиции принято называть «барсуками» (яп. *тануки*)³⁰⁷. Здесь стоит сделать небольшое отступление, так как связь между всеми этими животными, включая лисицу, наблюдается весьма сильная.

Собирательный образ «барсука» включает в себя трёх животных, причём не всегда понятно, являются ли эти названия синонимами для обозначения одного зверя или же они действительно относятся к трём разным видам. Итак, в японском фольклоре встречаются *тануки* (狸 – кит. *ли*, енотовидная собака, реже лиса или дикая кошка), *мудзина* (貉 – кит. *хэ* или *хао*, енотовидная собака) и *мами* (獬 – кит. *туань*, длиннорылый барсук, но также мифический кабан с рогом на носу или дикий бык)³⁰⁸. *Тануки* являются

³⁰³Ильина Н. Японская мифология: Энциклопедия. – с.206.

³⁰⁴ Ibid, p.94, 137-138, 160.

³⁰⁵Smyers, Karen Ann. *The fox and the jewel: shared and private meanings in contemporary Japanese Inari worship*. University of Hawaii Press (1999). – p.127-128.

³⁰⁶ Нэцкэ. Миниатюрная скульптура Японии из частных коллекций: каталог выставки. – с.207.

³⁰⁷Накорчевский А.А. Синто. – с.416.

³⁰⁸De Visser, M.W. "The Fox and Badger in Japanese Folklore". – p.1-2.

самыми распространёнными персонажами³⁰⁹. Именно их принято объединять с лисицами в отдельный термин *кори* (яп. 狐狸) – «лисы и барсуки»³¹⁰. В Китае такое сочетание используется только для обозначения лис (кит. 狐狸 – хули), а иероглиф *ли* (狸) отдельно обозначает енотовидную собаку (уссурийского енота) или, например, зверя *ли-ли* (кит. 狸力)³¹¹, упоминающегося в «*Шань хай цзин*»³¹² (кит. 山海經, «Книга гор и морей» или «Каталог гор и морей»)³¹³. В Японии словом *тануки* (狸) также принято называть енотовидных собак. Слово *мудзина* (貉) чаще используется для обозначения непосредственно барсуков. Однако в некоторых регионах Японии дело обстоит с точностью до наоборот: *тануки* – барсуки, *мудзина* – енотовидная собака или вообще цивета. Кроме того барсуков могут называть *мами* (獺), а для енотовидных собак в таком случае термины *тануки* или *мудзина* являются равнозначными. М. В. Фиссер в своих исследованиях объясняет такую путаницу тем, что в японских письменных источниках все эти животные могли заменять друг друга в рамках одного и того же рассказа, но в стилизации разных авторов³¹⁴. Китайские истории о лисах-оборотнях иногда могли быть не совсем точно восприняты в японской редакции. Например, некоторые китайские авторы, говоря о *хули-цзин* (狐狸精), иногда записывали её только иероглифом *ли* (狸). Причина такого замещения не

³⁰⁹ Нэцкэ. Миниатюрная скульптура Японии из частных коллекций: каталог выставки. – с.207.

³¹⁰ Ibid.

³¹¹ Этот зверь похож на дикую свинью, умеет лаять по-собачьи и имеет мощные когти. Скорее всего, китайцы так называли какую-то особую разновидность барсука.

³¹² Юань Кэ 袁珂. Чжунго шэньхуа-чуаньшо цыдянь 中国神话传说词典 («Словарь мифов и легенд Китая»). – с.321.

³¹³ Древнекитайский трактат, описывающий мифическую и реальную географию Китая и соседних земель и обитающие там чудесные создания.

³¹⁴ De Visser, M.W. "The Fox and Badger in Japanese Folklore". 1908. – p.1.

всегда бывает понятна³¹⁵. Другие авторы, рассказывая ту же историю, вообще не использовали слово *ли* (狸) в своих текстах, ограничиваясь просто *ху* (狐) или *ху-цзин* (狐精). «Барсуки» (или же енотовидные собаки; никогда неизвестно, о ком точно говорится в тех или иных источниках) в японской традиции тем самым могли быть восприняты интерпретациями образа лисы или родственными ей зверями-оборотнями³¹⁶.

Когда о японских лисах-барсуках говорят как об оборотнях, то по большому счёту им приписывают те качества, что характерны для китайской лисы-демона *ху-яо* (狐妖)³¹⁷. Однако в японском фольклоре сложился особый сюжет лисьего демонизма, как интерпретация китайских сказаний. Речь идёт о *кицунэ-цуки* (яп. 狐憑き, 狐付き) – состоянии «одержимости лисой»³¹⁸. Явление это заключается в том, что лисица вселяется в тело своей жертвы (как правило, ей становится очень суеверная молодая девушка), проникая внутрь через ногти или грудь³¹⁹. Мимика и поведение страдающего от лисьего духа меняются так сильно, что начинают походить на лисьи повадки. Кроме того, есть и другие способы понять, болен ли человек «лисьей одержимостью». Например, если жертва была безграмотна, то после вселения *кицунэ* резко обнаруживается способность читать любые тексты³²⁰. Также в японском фольклоре смог закрепиться мотив «лисьей жемчужины»³²¹. Эти объекты описываются как белые шаровидные огни, которые лисица, если она не принимает человеческий облик, держит в пасти

³¹⁵Самая распространённая версия – элементарное сокращение.

³¹⁶Ibid.

³¹⁷ *Bargen, Doris G. A woman's weapon: spirit possession in the Tale of Genji*. Honolulu: University of Hawaii Press (1997). – p.292.

³¹⁸*Nozaki, Kiyoshi. Kitsuné — Japan's Fox of Mystery, Romance, and Humor*. Tokyo: The Hokuseidō Press (1961). – p.59.

³¹⁹*Ильина Н. Японская мифология: Энциклопедия*. – с.206-207.

³²⁰*Nozaki, Kiyoshi. Kitsuné — Japan's Fox of Mystery, Romance, and Humor*. – p.216.

³²¹Ibid, p.169-170.

или на хвосте. Они называются *хоси-но-тама* (яп. ほしのたま – «звёздные шары»)³²². Вообще же всю совокупность неопознанных огней и свечений («блуждающие огни», «бесовские огни») в японской мифологии принято называть *кицунэби* (яп. 狐火 – «лисий огонь»). Стоит упомянуть, что так называемая «драгоценность» («лисыя драгоценность») является также одним из основных атрибутов *Инари*³²³.

Как видно, японские лисы схожи со своими китайскими собратьями. Однако в Японии лисы изначально были исключительно благими существами, возвеличенными в ранг посланников такого значимого для синтоизма божества, как *Инари*, и только потом переняли некоторые китайские демонические черты. В Китае дурная лисья репутация преобладает над образом лисы-берегини, поэтому китайские божества в виде лисы, в отличие от японских *кицунэ*, никогда не имели высокого статуса.

2.3. Образ птицы *фэн-хуан* в Китае и его отображение в японской культуре

2.3.1. Китайские представления о птице *фэн-хуан*

Орнитальный отдел в китайской мифологии представлен обобщённым «семейством» фениксов³²⁴ – птиц-*фэн* (кит. 鳳). Среди всего многообразия чудесных созданий, входящих в эту категорию, особо значимое место занимает персонаж, называемый *фэн-хуан* (кит. 鳳凰)³²⁵. СобираТЕЛЬНЫЙ образ птицы *фэн-хуан*³²⁶ в китайской культуре несёт следующую функционально-символическую нагрузку: выступает главой всех пернатых, в

³²²Ibid, p.183.

³²³Smyers, Karen Ann. *The fox and the jewel: shared and private meanings in contemporary Japanese inari worship*. University of Hawaii Press (1999). – p.112-114.

³²⁴ Условное название, закрепившееся в западной традиции.

³²⁵Кравцова М.Е. *Мировая художественная культура. История искусства Китая*. – с.390.

³²⁶*Фэн-хуана*, собственно, как раз принято называть «китайским фениксом» в западной традиции.

некоторых случаях является духом-патроном определённой местности вместе с птицей *луань* (кит. 鸞鳥 – *Луань-няо*)³²⁷, олицетворяет добродетельного государя и благородную личность (кит. 君子 – *цзюнь-цзы*), способствует установлению мира и изобилия³²⁸, и поэтому появление птицы считается благим знамением (кит. 瑞 – *жуи*)³²⁹.

Согласно ряду гипотез³³⁰, образ китайского феникса³³¹ может восходить к некому древнему племенному тотему³³². Самые ранние отсылки к *фэн-хуану* встречаются на иньских гадательных надписях и бронзовых изделиях (ок. XV в. до н.э.)³³³. В целом, уже в доциньскую эпоху сформировалась преобладающая тенденция к изображению на керамике, бронзе и других материальных носителях разнообразных переплетающихся между собой птичьих и растительных мотивов. По всей вероятности, уже на этой стадии становления китайского изобразительного искусства можно говорить о зарождении популярного жанра *хуаняо* (кит. 花鳥 – «цветы и птицы»)³³⁴.

Ранние изображения *фэн-хуана* часто дополняются присутствием змей, которые могут ниспадать с трезубца на голове или просто окружать фигуру

³²⁷Юань Кэ 袁珂. Чжунго шэньхуа-чуаньшо цыдянь 中国神话传说词典 («Словарь мифов и легенд Китая»). – с.321, 362.

³²⁸Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006 - . [Т. 2:] Мифология. Религия / ред. М.Л. Титаренко и др. – 2007. – с.453.

³²⁹Кравцова М.Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая. – с.390-391.

³³⁰Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. – с.37.

³³¹Там же, с.35-38.

³³²Отголоски тотемистических традиций не исчезали в древнем Китае на протяжении длительного времени, прочно закрепляясь в народном сознании как распространённые мифологические мотивы. Такие представления зачастую намеренно культивировались в среде правящей элиты, представители которой претендовали на родство с божественными существами, среди которых птицы занимали далеко не последнее место.

³³³Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006 - . [Т. 2:] Мифология. Религия / ред. М.Л. Титаренко и др. – 2007. – с.651.

³³⁴Цзя Баохуа 贾宝花. Чжунго чуаньши хуаняо-хуа 中国传世花鸟画 (Китайская традиция картин "цветы и птицы"), Пекин. – с.7-8.

птицы. Такое сочетание может свидетельствовать о связи птиц и пресмыкающихся в китайской культуре, отличающейся одновременной борьбой³³⁵ и притяжением (позднее *фэн-хуан* часто стал изображаться вместе с драконом-лун)³³⁶. Традиционный иконографический канон наделяет *фэн-хуана* следующими ключевыми чертами: петушиный клюв, зоб как у ласточки, змеиная шея, туловище дракона-лун, испещрённое замысловатым узором, длинный хвост рыбы. Спереди феникс напоминает лебедя, со спины – зверя *цилин* (кит. 麒麟)³³⁷. Можно предположить, что такой набор черт³³⁸ сложился в ходе длительного процесса³³⁹ комбинирования широкого спектра разнообразных морфолого-стилистических трактовок образа феникса, характерного для искусства периода Сражающихся царств (кит. 戰國時代 – *Чжаньго-шидай*; V в. до н. э. – 221 до н. э.)³⁴⁰.

Среди прочих известных описаний внешность *фэн-хуана* включает также такие детали: тело (расцветка) как у утки-мандаринки, голова имеет петушиные и орлиные черты, у мужских особей³⁴¹ может быть три ноги³⁴², как у воронов³⁴³. Поздний иконографический канон китайского феникса

³³⁵ Там же, с.12.

³³⁶ Там же.

³³⁷ *Иванова-Казас О.М.* Птицы в мифологии, фольклоре и искусстве. СПб.: Нестор-История, 2006. – с.130.

³³⁸ Впрочем, вышеописанный художественный норматив не стал в Китае окончательным и повсеместно распространённым. На практике такое сочетание черт соблюдалось крайне редко. Наиболее привычной стала тенденция к сведению внешнего облика феникса к павлинам, фазанам и прочим куриным.

³³⁹ Там же, с.391.

³⁴⁰ *Кравцова М.Е.* Мировая художественная культура. История искусства Китая. – с.391.

³⁴¹ *Eberhart G.M.* Mysterious creatures: a guide to cryptozoology, ABC-CLIO, 2002. – p.431.

³⁴² Трёхноготь в древнекитайской культуре была свойственна ворону («солнечной птице»), который был одной из ранних эмблем государственной власти. Три его лапы символизировали восход, зенит и заход солнца (на котором у ворона было гнездо, из-за чего его перья выгорели и стали чёрными).

³⁴³ *Иванова-Казас О.М.* Птицы в мифологии, фольклоре и искусстве. – с.105.

обязательно подразумевает пёстрое оперение³⁴⁴, которое состоит из пяти основных цветов³⁴⁵ (чёрный, белый, зелёный, красный и жёлтый)³⁴⁶.

Теперь, поняв специфику существования этого образа в китайской мифологической традиции, можно приступать к изучению похожих мотивов в японской культуре.

2.3.2. Птица *хо:-о:* – реплика китайского феникса в культуре Японии

Фэн-хуан, как и многие другие персонажи китайской мифологии, стал широко известен в Японии через посредничество корейских переселенцев. Таким образом, сформировавшись в противоречивой культурно-религиозной обстановке древних государств Корейского полуострова, образ феникса *понхван* (кор. хангыль – 봉황, ханча – 鳳凰) закрепился в японской культуре, не подвергаясь в дальнейшем каким-либо существенным изменениям и чисто японским интерпретациям³⁴⁷.

В качестве примера устоявшегося в корейско-японском искусстве образа китайского феникса можно обратиться, например, к образцам пэчкеских бронзовых курильниц, дизайн которых представляет синтетическую буддийско-даосскую традицию. Фигурка *фэн-хуана* – птицы *хо:-о:* (яп. 鳳凰) часто являлась навершием таких курильниц, дублируя иногда фигурку (или орнамент) дракона в нижней части (подставка). Феникс изображается в единой для всех предметов этого рода манере, напоминая и в

³⁴⁴ См. приложение 3.

³⁴⁵ Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006 -.[Т. 2:] Мифология. Религия / ред. М.Л. Титаренко и др. – 2007. – с.651-653.

³⁴⁶ Кроме того, по всему телу феникса разбросаны узоры (кит. 文 – *вэнь*), передающие конфуцианские «пять добродетелей» (кит. 五德 – *у дэ*): на голове – благодеяние (кит. 德 – *дэ*), на крыльях – долг (кит. 義 – *и*), на спине – ритуал (благопристойность) (кит. 禮 – *ли*), на груди – человеколюбие (кит. 仁 – *жэнь*), на животе – искренность (кит. 信 – *синь*).

³⁴⁷ Ball K.M. Animal motifs in Asian art: an illustrated guide to their meanings and aesthetics. Dover publications, INC., Mineola, N.Y. 2004.– p.30.

своей морфологии (телосложение, его пропорции, характерные гребень и серьги), и в позе образ кукарекающего на рассвете петуха. Хвост изображался «молниеобразным» (или 2-3 условных пера стилизовались под языки пламени, что является отсылкой к характерным мотивам буддийской иконографии). Иногда традиционный для китайского феникса хвост («рыбий», хвост-шлейф) отсутствует вовсе, заменяясь хвостом петуха или куропатки, выполненными весьма реалистично³⁴⁸. По-видимому, именно такой шаблон закрепился в японском искусстве и прежде всего в скульптуре. Таких фениксов, например, можно видеть на крышах многих буддийских храмов: *Бё:до:-ин* (яп. 平等院)³⁴⁹, *Кинкаку-дзи* (яп. 金閣寺)³⁵⁰, *Гинкаку-дзи* (яп. 銀閣寺)³⁵¹ и др.

Из представленного списка, храмовый комплекс *Бё:до:-ин*, а особенно главная его часть – «Павильон феникса» (яп. 鳳凰堂 – *Хо:-о:-до:*) (построен в 1052 г.)³⁵², представляет собой наибольший интерес. Вся постройка павильона проектировалась как модель организма птицы: центральный двухэтажный блок рассматривался как тело, расположенные с двух сторон от неё колоннады – крылья, коридор в задней части – как хвост³⁵³.

Стоит отметить, что в японском искусстве и народном сознании японцев китайский феникс, сохраняя ряд изобразительных черт и весь спектр символического значения, изложенных ранее³⁵⁴, является

³⁴⁸Тихонов В.М., *Кан Мангиль*. История Кореи: В 2 т. Т. 1: С древнейших времён до 1904 г. – С.138.

³⁴⁹Конрад Н.И. Очерк истории культуры средневековой Японии VII–XVI веков. – с.55.

³⁵⁰ Там же, с.114.

³⁵¹ Там же, с.115.

³⁵²На этот год приходилось начало периода «Конца Закона Дхармы» по буддийским представлениям. В это время почти все аристократы стали уповать в приближающемся апокалипсисе на буду *Амитабху*, которому и был посвящен данный комплекс. Возможно, фигуры фениксов на крыше имеют связь с райскими птицами *Чистой Земли Амитабхи*.

³⁵³Ball K.M. *Animal motifs in Asian art: an illustrated guide to their meanings and aesthetics*. Dover publications, INC., Mineola, N.Y. 2004.– p.31.

³⁵⁴Ильина И. Японская мифология. – с.459.

преимущественно буддийским символом, что неудивительно, т. к. судя по всему, большая доля его изображений приходилась на буддийский ритуально-обрядовый инвентарь³⁵⁵. В изобразительном искусстве Японии, однако, китайский феникс так и не смог стать достаточно распространённым персонажем. Большинство изображений птицы *хо:-о:* представляет собой всевозможные росписи (стенные, ширмы). Вторыми по популярности декоративно-прикладными техниками, содержащими сюжеты с фениксом, являются росписи³⁵⁶ по фарфору³⁵⁷ (с характерным корейским стилем исполнения)³⁵⁸ и ткацкое ремесло³⁵⁹, где птица *хо:-о:* чаще всего изображалась вместе с пионами³⁶⁰.

В Японии феникс не стал популярной эмблемой государственной власти, как в Китае и Корее, однако изображения (текстиль, вышивка) и резные фигурки этой птицы часто украшали предметы или помещения, принадлежащие правителю (детали колесницы, некоторые знамёна, убранство дворцовых покоев). Одной из метафор, обозначающих императорские дворцы, в частности, была *Хо:кэцу* (яп. 鳳闕 – «дворец феникса», «палаты феникса»)³⁶¹.

На формирование некоторых малозаметных элементов внешности японского феникса *хо:-о:*, отличающих его от китайского канона, могли повлиять некоторые эндемичные для Японии виды птиц. Среди всей

³⁵⁵ Смотри приложение 4, 5-й пункт.

³⁵⁶ См. приложение 4, 2-й пункт.

³⁵⁷ Ball K.M. Animal motifs in Asian art: an illustrated guide to their meanings and aesthetics. Dover publications, INC., Mineola, N.Y. 2004. – p.25-32.

³⁵⁸ В облике японского феникса прослеживаются чуть более выпуклые (чем в изобразительном искусстве традиционного Китая) змеиные черты. Хвостовые перья в своих очертаниях стилизуются под листья одуванчика. Птица часто выглядит несколько угловатой, иногда стоящей в «неудобной» позе. В целом, можно высказать достаточно рискованное предположение, что такой стиль исполнения во многом перекликается с корейским народным рисунком – *минхва* (кор. хангыль – 민화, ханча – 민화). См. приложение 4, 5-й пункт.

³⁵⁹ Конрад. Н.И. Очерк истории культуры средневековой Японии VII–XVI веков. – с.50.

³⁶⁰ Ibid., p.32.

³⁶¹ Ibid., p.30-31.

орнитофауны Японского архипелага особого внимания заслуживает зелёный фазан (лат. *Phasianus versicolor*) – *кидзи* (яп. 雉)³⁶². Эта птица является излюбленным фольклорным героем и достаточно часто встречается в различных японских сказках и преданиях, например, в истории о «Персиковом мальчике» – *Момотаро*: (яп. 桃太郎)³⁶³. Также фазан упоминается в древнейшем письменном памятнике «*Нихон сёки*» (яп. 日本書紀)³⁶⁴. Как видно из названия, раскраска оперения этой птицы изобилует оттенками зелёного и голубого. Поэтому не случайно, что на многих японских изображениях феникса преобладает именно эта цветовая гамма. Например, без изумрудной фазаньей спинки, покрытой крупными круглыми перьями, похожими на чешую карпа, не приходится почти ни один портрет птицы *хо:-о:*³⁶⁵ в творчестве знаменитого художника *Кацусика Хокусая* (яп. 葛飾北斎, 1760–1849)³⁶⁶, который в поздние годы стал чаще обращаться к фантастическим сюжетам³⁶⁷.

Как видно, японская трактовка *фэн-хуана* во многом идентична китайским художественным канонам. Тем не менее, рассмотрев общие моменты употребления этого образа в японском искусстве, можно проследить ряд особенностей:

- 1) Образ птицы *хо:-о:* весьма неоднозначно считать чисто китайским заимствованием. Его иконография и семантика во многом представляет собой сплав отдельных черт китайского феникса,

³⁶² См. приложение 4, 1-й пункт.

³⁶³ *Ильина И.* Японская мифология. – с.235.

³⁶⁴ Синто – путь японских богов: В 2 т. Т II. Тексты синто. – с.44-48.

³⁶⁵ В качестве примера можно привести его работу, датированную 1835 г., «*Панно Феникс*» (яп. 鳳凰図屏風 – *Хо:-о:-дзубё:бу*).

³⁶⁶ См. приложение 4, пункты 3 и 4.

³⁶⁷ *Виноградова Н.* Кацусика Хокусай. – М.: Издательство «Белый город», 2005. – с.42-46.

искажённых в ходе его культивирования на южнокорейской культурной почве.

- 2) Некоторые значимые символические функции *фэн-хуана* утратили свой вес в японской культуре (например, феникс как символ государя). Часть других, напротив, стала доминирующей (исключительная роль только в сфере буддийского искусства).
- 3) Географическое расположение Японии, которая является островным государством, способствовало едва уловимому видоизменению иноземных мифологических персонажей под влиянием местной фауны. Китайский феникс в японской культурной среде перенял черты местной разновидности фазана.

Заключение

Развитие японской культуры происходило вокруг двух полюсов – с одной стороны, вокруг подражания плодам континентального китайско-корейского наследия, и с другой – вокруг стремления сохранить свои исконные культурные модели. При проведении любого исследования в рамках изучения Японии и связей этой страны с Китаем всегда интересен характер взаимоотношения основных полюсов японской культуры. Кроме того, стоит отметить, что культура Японии, впрочем, как и любая другая, крайне неоднородна, и может быть отдельно рассмотрена как культура правящих кругов, религиозная, крестьянская, городская и т. д. Например, императорский двор, а также самурайская среда, способствовали образованию утончённой, несколько «потребительской» культуры, поскольку данный пласт японской традиции зиждется на повсеместном подражании Китаю. Поэтому в «культуре элит», по крайней мере на раннем этапе формирования, просматривается наличие частого копирования ханских канонов, в том числе в плане заимствования континентальных мифологических образов и комплекса правил по их изобразительному воспроизведению.

В связи с этим актуальной является необходимость детального изучения привнесённых китайских мифологических концепций, их источников, распространения, использования в японской среде и отделения этих заимствований от изначально японских мотивов. В данной работе были предприняты попытки рассмотрения данной проблемы в области отражения основных путей проникновения в Японию значимых китайских мифологем и

анализа некоторых наиболее распространённых образов чудесных созданий. В качестве объекта исследования выступали культуры Китая и Японии, а для более детального исследования и выразительной наглядности третьим компонентом в изучении сино-японских отношений рассматривалась Корея, исторически выполнявшая трансмиссионную роль по передаче японцам китайских идей и техник. Однако автор позволяет себе выразить надежду, что все выводы и обнаруженные в ходе анализа проблемы, косвенно относятся и к другим странам синосферы, а потому могут быть использованы при изучении связей Китая с культурами других народов Дальневосточного региона и Юго-Восточной Азии.

Стоит оговориться, что объём данного исследования не позволяет подробно рассказать обо всех аспектах возникновения и развития китайско-японских кросс-культурных отношений на протяжении длительной истории этих государств, а также обо всей мифологической системе изучаемых культур. Однако, исходя из поставленных целей и задач, представилась возможность раскрыть общие принципы и положения в данном вопросе.

Первая глава была посвящена рассмотрению первых контактов населения Японских островов с континентальной культурой, представлявшей собой своеобразный сплав китайско-корейских традиций и инноваций. Представленные здесь материалы дали возможность понять, где берёт своё начало китайское основание японской мифологико-религиозной системы, и какое важное значение сыграло население Корейского полуострова в период формирования японской государственности и культуры. Период с IV по VIII вв. н. э., был отмечен тесными контактами Японии с государствами Кореи. Данная эпоха отличалась массовыми перемещениями на Японские острова квалифицированной рабочей силы, мастеров, учёных и буддийских священнослужителей китайского или корейского происхождения. Наиболее активную роль в социально-культурном обмене с жителями Японского архипелага в рассматриваемый период сыграло южнокорейское царство Пэкче.

Во второй главе было проведено сравнение некоторых мифологических персонажей, заключающееся в сопоставлении их оригинальных китайских портретов с последующими японскими моделями прочтения их образов.

Исходя из вышеприведённых суждений и проведённого анализа различных исторических и мифологико-религиозных аспектов культур Китая, Кореи и Японии, можно сделать вывод, что различные особенности японской интерпретации какого-либо фантастического персонажа, заимствованного из китайской культуры, чаще всего сводятся к двум основным положениям, взаимосвязанным между собой:

- 1) К синкретической религиозной системе Японии, где действительной основой всегда оставался автохтонный комплекс верований – синтоизм;
- 2) К географическому фактору изолированности японского архипелага, в силу чего, например, фауна страны отличается скудностью по сравнению с материком, но при этом весьма богата эндемичными формами.

Характер возможных отличий, чаще всего, ограничивается изменением функций заимствованного китайского персонажа или его иконографии.

В первом случае, под влиянием религиозной специфики Японии, как правило, определённым трансформациям подвергалась область функций того или иного мифологического существа. Однако функции непосредственно китайских персонажей почти никогда не изменялись, являясь постоянными величинами. Воздействию континентальной традиции могли быть подчинены некоторые японские божества – *ками*, после их соотнесения с образами заимствованных китайских персонажей. Как пример такого механизма, во второй главе был рассмотрен процесс расширения сфер влияния божества *Инари*, символом которого была лиса. Японская мифологическая традиция, испытав влияние китайских легенд о лисицах-демонах, автоматически перенесла новые веяния на образ местного «лисьего *ками*».

Синтоизм также предопределял некоторую ограниченность заимствования элементов китайской мифологии. Исторически сложилось, что

японцы перенимали континентальные модели добровольно, имея возможность выбора³⁶⁸. Таким образом, укоренялись только те положения, что не противоречили местным устоям, но гармонично дополняли их.

Также проникновение образов чудесных созданий в японскую среду во многом сочеталось с процессом интеграции буддизма в Японии. Подобное явление способствовало установлению своеобразной идентификации некоторых мифологических персонажей (например, китайского феникса *фэн-хуан*) исключительно со сферой влияния учения о «пути Будды» (в частности, в области материальной культуры – фигурирование персонажей в буддийской религиозной атрибутике, архитектуре и т. д.).

К влиянию аутентичных мифологико-религиозных воззрений Японии можно свести и различные иконографические тонкости представления китайских фантастических существ в японском искусстве. Однако в некоторых случаях такого объяснения бывает недостаточно.

В рамках изучения общего сино-японского мифологического базиса порой бывает трудно обнаружить в традиции Японии что-либо, чего была бы полностью лишена континентальная система верований³⁶⁹. Так, божества-змеи из синтоистских легенд были органично обыграны в образах китайских драконов-лун. Иконография дракона трансформировалась под влиянием местных эстетических установок. Японцы, вероятно, не смогли полностью воспринять «звериные» черты этого существа, а потому гиперболизировали «змеиную» составляющую его портрета. Таким образом, китайский дракон-лун в японской изобразительной традиции тяготеет к вероятному облику различных чудовищ (обычно морских, как «крокодилы» *вани*), змеев из синтоистских сказаний.

Во втором случае, когда специфика заимствования китайских персонажей сводится к географическому положению Японии, особый

³⁶⁸ История древней Японии: Учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. – с.24.

³⁶⁹ История древней Японии: Учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. – с.23-24.

интерес представляет обращение к самобытности флоры и фауны этой островной страны.

Прямое влияние этого природного фактора прослеживается уже на уровне формирования японского языка. Исторически сложилось, что в японском языке имеют хождение так называемые *кокудзи* или *васэйкандзи* (яп. 国字, букв. «национальные иероглифы»; яп. 和製漢字, букв. «созданные в Японии китайские иероглифы») – иероглифы, изобретённые самими японцами. Большинство из них было сконструировано из-за того, что в Китае отсутствуют некоторые виды растений и животных, являющиеся эндемиками Японского архипелага³⁷⁰.

Поэтому неудивительно, что некоторые китайские фантастические существа, имеющие в своей морфологии черты тех или иных животных, обитающих в Китае, в Японии были видоизменены в силу плохой осведомлённости японцев с континентальной фауной. Во второй главе данный изобразительный феномен был представлен на примере возможного влияния японского зелёного фазана (лат. *Phasianus versicolor*) на иконографию птицы *хо:-о:* – реплики китайского феникса *фэн-хуан*.

Отдельно стоит обозначить роль Кореи в трансформации китайских мифологических персонажей в японской среде. Исходя из исторических материалов, представленных в первой главе, а также некоторых соображений и гипотез, озвученных во второй части работы, можно выдвинуть предположение, что корейский элемент почти всегда в той или иной мере может быть выявлен при более детальном рассмотрении каких-либо фантастических существ китайской мифологии в их японской трактовке. Есть все основания считать, что Корея, передавая различные китайские мифологические концепции в Японию, представляла их в несколько изменённом виде, таким образом, японцы обычно заимствовали некий синтетический набор идей и обычаев. Вероятно, некий корейский след присутствует в синкретической религиозной системе Японии, которая в

³⁷⁰ История древней Японии: Учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. – с.16.

дальнейшем способствовала переработке китайских канонов. Однако в данном исследовании возможный корейский элемент был обнаружен в японской манере претворения китайской иконографии мифологических образов. Во второй главе в блоке, посвящённом китайскому фениксу *фэн-хуан*, была выдвинута гипотеза, что своеобразная японская манера изображения этой чудесной птицы может восходить к традициям корейского искусства, в частности к народной картине *минхва* (кор. хангыль – 민화, ханча – 민畫).

В целом, можно сделать вывод, что в ходе усвоения японцами мифологико-религиозного наследия Китая, чаще всего «японизировалась» иконографическая традиция представления тех или иных божеств, демонов, фантастических животных и прочих мифологических существ. Вероятно, это связано с важностью природы визуального эффекта в японской культуре, рассмотренного во введении данной работы, и связанными с этим эстетическими принципами.

Общие выводы исследования позволяют выдвинуть и обосновать ряд рекомендаций, которые позволят пересмотреть отношение к изучению общего процесса кросс-культурного диалога Китая и Японии и частных его проявлений.

Стоит начать с того, что при проведении анализа каких-либо аспектов сино-японской мифологической традиции, стоит обращать особое внимание на изменения в иконографии фантастических существ. Это связано с тем, что область визуального восприятия культурных феноменов крайне важна для ментальности народов стран синосферы. Поэтому возможные новшества, привнесённые в образ мифологического создания при пересечении китайской культуры с культурой страны реципиента, в первую очередь будут заметны в иконографии рассматриваемого существа.

Поиск различных особенностей в изображении китайских сверхъестественных животных в японской культуре вызвал основную трудность всей работы. Вероятно, в первую очередь это связано с

отсутствием специальной литературы, посвященной конкретно этому узкому вопросу. Во всех переработанных источниках и трудах любые сведения, касающиеся воспроизведения китайских фантазмагорических созданий в культуре Японии, полностью повторяют ту же информацию, что и об оригинальном ханьском каноне.

Скорее всего, это связано с тем, что многие исследователи сино-японских культурных контактов основной акцент в своём творчестве делают на сопоставлении китайских образцов с предметами культуры японской знати, которая очень долгое время мало чем отличалась от континентальной. Однако те или иные заимствования не всегда имели хождение только в кругах правящей элиты, а потому могли быть ослаблены и поверхностно наложены на более автохтонный пласт японской культуры, бытовавший, например, в крестьянской или городской среде.

Отсюда следует, что при изучении каких-либо проявлений мифологических представлений китайцев, корейцев и японцев не стоит ограничиваться анализом самой заметной, «высокой» культуры той или иной страны Дальневосточного региона. Наиболее интересные отличительные черты переосмысления чужеродных концепций (например, мифологического характера) могут быть обнаружены как раз в области народного творчества, которая облекает в свой специфический «норматив» основные направления местных традиций вкупе с заимствованными идеями. Полезность такого метода исследования была продемонстрирована в первой главе в блоке, посвящённом китайскому дракону-лун. Так, именно в традиции гравюр *укиё-э* (яп. 浮世絵), которые представляли собой форму городского искусства XVII-XIX вв., были найдены некоторые особенности изображения японского дракона, отличающие японскую трактовку этой фантастической рептилии от более систематизированного китайского изобразительного канона.

Здесь же стоит добавить, что дальнейшая перспектива изучения отличий японского видения китайских мотивов, фольклорных сюжетов и

техник может заключаться в целенаправленном поиске корейского влияния в японской культуре.

Подводя общий итог работы, можно ещё раз отметить, сколь велико было китайское влияние при формировании традиционной культуры Японии. Тем не менее, японцы сумели сохранить свой неповторимый национальный характер, благодаря постоянному процессу переосмысления заимствованных образцов. Изучение кросс-культурных отношений этих двух стран, позволяет не только расширить представления об отличительных свойствах японского менталитета, но также предоставляет возможность по-новому взглянуть на достижения непосредственно китайской цивилизации, которые благодаря своей оригинальности и жизнестойкости смогли органично интегрироваться в область влияния других культур и развиваться в россыпь новых форм и идей.

Список литературы

1. *Алимов И.А.* Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. СПб.: Изд-во «Наука», 2008. – 284 с.
2. *Арутюнов С.А., Щебеньков В.Г.* Древнейший народ Японии: Судьба племени айнов. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1992. – 208 с.
3. *Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае. 2-е изд. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 488 с.
4. *Вернер Эдвард.* Мифы и легенды Китая / Пер. с англ. С. Фёдорова. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 365 с.
5. *Виноградова Н.* Кацусика Хокусай. – М.: Издательство «Белый город», 2005.
6. *Герасимова М.П.* Особенности художественной культуры в Японии. – В сб.: Япония 2011. Ежегодник. М.: «АИРО-XXI», 2011. – 288 с. С.110-124.
7. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Восточная литература, Т. 1.: Философия / ред. М.Л. Титаренко и др. — 727 с.
8. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006. [Т. 2:] Мифология. Религия / ред. М.Л. Титаренко и др. – 2007. – 869 с.
9. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006. Т. 3.: Литература. Язык и письменность/ ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература, 2008. — 855 с.
10. *Иванова-Казас О.М.* Птицы в мифологии, фольклоре и искусстве. СПб.: Нестор-История, 2006. – 172 с.
11. *Ильина Н.* Японская мифология: Энциклопедия. – СПб.: Мидгард, 2007. – 460 с.
12. Искусство Японии. Сборник статей. М., Издательство «Наука», 1965. – 148 с.
13. История древней Японии: Учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. – М.: Наталис, 2010. – 544 с.
14. История Японии. Т.1. С древнейших времён до 1868 г. Ответственный редактор А.Е. Жуков. М., Институт востоковедения РАН, 1998. – 659 с.
15. *Иэнага Сабуро.* История японской культуры. Перевод с японского Б.В. Поспелова. Издат. «Прогресс». Москва, 1972. – 229 с.

16. Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / Предисловие, перевод и комментарий Э. М. Яншиной. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977. — 234 с.
17. *Катасонова Е.Л.* Мураками Такаси и его теория суперплоскости. – В сб. Япония 2011. Ежегодник. М.: «АИРО-XXI», 2011. – 288 с. С. 167.
18. *Конрад Н.И.* Очерк истории культуры средневековой Японии VII–XVI веков. – М.: Издательство «Искусство», 1980. – 143 с.
19. *Кравцова М.Е.* Мировая художественная культура. История искусства Китая: Учебное пособие. – СПб.: Издательства «Лань», «Триада», 2004. – 960 с.
20. *Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. – М.: Издательство «Наука», 1983. – 415 с.
21. *Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б., Сырицын И.М.* История Японии: Учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «История» - М.: Высш. шк., 1988. – 432 с.
22. Культурология: Учебник / Под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. – М.: Высшее образование, 2005. – 566 с.
23. *Лисевич И. С.* Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков. М.: Наука, 1979. – 265 с.
24. *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. – М.: «Издательство Апрель», ООО «Издательство АСТ», Издательско-продюсерский центр «Дизайн. Информация. Картография», 2000. – 632 с.
25. *Накорчевский А.А.* Синто. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: «Азбука-классика»; «Петербургское Востоковедение», 2003. – 448 с.
26. Нихон рё:ики – японские легенды о чудесах: Свитки 1-й, 2-й и 3-й//Пер., предисл. и коммент. А.Н. Мещерякова. – СПб.: Гиперион, 1995. – 256 с.
27. Нэцкэ. Миниатюрная скульптура Японии из частных коллекций: каталог выставки / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2016. – 322 с.
28. Ода о драконах, летящих к небу / пер. со среднекорейского, стихотворное переложение Е.Н. Кондратьевой; вступ. ст., пер. с ханмуна, прим. Е.Н. Кондратьевой, О.М. Мазо. – М.: Вост. лит., 2011. – 237 с.
29. *Пу Сунлин.* Рассказы Ляо Чжая о необычайном / Пер. с кит. В.М. Алексеев. – М.: Художественная литература, 1983. – 773 с.
30. Религиозный мир Китая 2005 / Под ред. И.С. Смирнова. Серия «Orientalia: Труды Института восточных культур и античности». М.: РГГУ, 2006. – 327 с.

31. Рубель В.А., Коваленко О.О. Проблема этногенеза японского народа в современной японской историографии // Восточный мир. – Институт Востоковедения НАН Украины, 2000. №1. – с.156-162.
32. Синто – путь японских богов: В 2 т. Т II. Тексты синто. СПб.: Гиперион, 2002. – 496 с.
33. Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 1: С древнейших времён до 1904 г. / Ред., сост. хрон. табл., сост. указателя Т.М. Симбирцева. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности: вып. 41.) М.: Наталис, 2011. – 533 с.
34. Традиционная японская культура: Специфика мировосприятия / Д.Г. Главева. – М.: Вост. лит., 2003. – 264 с.
35. Фиссер М.В. Драконы в мифологии Китая и Японии. /Перевод с англ. Фесюн А.Г. – М.: Профит Стайл, 2008. – 272 с.
36. Янишина Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. – 248 с.
37. Япония вечная / Нелли Дёлэ, пер. с фр. С. Балашовой. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 160 с.
38. Япония, открытая миру / Рук. проекта Э.В. Молодякова. М.: АИРО-XXI. 2007. – 308 с.
39. Япония 2012. Ежегодник. П-М: «АИРО-XXI», 2012. – с.266-281.

На английском языке

1. *Ashkenazi M.* Handbook of Japanese mythology. ABC-CLIO, 2003.
2. *Ball K.M.* Animal motifs in Asian art: an illustrated guide to their meanings and aesthetics. Dover publications, INC., Mineola, N.Y. 2004
3. *Bane Theresa.* Encyclopedia of Vampire Mythology. McFarland & Company, Inc., Publishers (Jefferson, North Carolina, 2010) – 209 p.
4. *Bargen, Doris G.* *A woman's weapon: spirit possession in the Tale of Genji.* Honolulu: University of Hawaii Press. 1997. – 379 p.
5. *Eberhart G.M.* Mysterious creatures: a guide to cryptozoology, ABC-CLIO Ltd., (31 Dec. 2002). – 722 p.
6. *Nozaki, Kiyoshi.* *Kitsuné – Japan's Fox of Mystery, Romance, and Humor.* Tokyo: The Hokuseidô Press. 1961. – 235 p.
7. *Smyers, Karen Ann.* *The Fox and the Jewel: Shared and Private Meanings in Contemporary Japanese Inari Worship.* Honolulu: University of Hawaii Press, 1999. – 271 p.

8. The Cambridge history of Japan. V.1. Ancient Japan / edited by Delmer M. Brown, Cambridge University Press, 2008. – 577 p.
9. *Visser M.W. de*. Transactions of Asiatic society of Japan. The Fox and Badger in Japanese Folklore. Printed at the Fukuin Printing Co., Ltd. № 81. Yamashita Cho, Yokohama, Japan. 1908. – 159 p.
10. *W. Michael Kelsey*. Salvation of the Snake, the Snake of Salvation: Buddhist-Shinto Conflict and Resolution. Japanese Journal of Religious Studies, 8/1-2 March-June 1981. – p.83-111.

На китайском языке

1. Сань го чжи / Чэнь Шоу чжуань, Пэй Сун-чжи чжу (三國志 / 陳壽撰, 裴松之注 Трактаг о Трех царствах / Сост. Чэнь Шоу, коммент. Пэй Сун-чжи). В 5 т. Пекин, Чжунхушущюй, 1987. – 1510 с.
2. *Цзя Баохуа* 贾宝花. Чжунго чуаньши хуаняо-хуа 中国传世花鸟画 (Китайская традиция картин «цветы и птицы»), Пекин.
3. *Юань Кэ* 袁珂. Чжунго шэньхуа-чуаньшо цыдянь 中国神话传说词典 («Словарь мифов и легенд Китая»), Шанхай: Шанхайское издательство словарей и справочников, 1985. – 540 с.

Приложение 1. Дракон-лун в китайском искусстве.

1. Статуя дракона из Запретного города в Пекине (XVII – XIX века)³⁷¹.

2. Драконы, преследующие пламенную жемчужину. Керамика, Цинский период (1636 – 1912)³⁷².

³⁷¹ Источник: <http://www.bestiary.us/images/statuja-drakona-iz-zapretnogo-goroda>

³⁷² Источник: https://en.wikipedia.org/wiki/Chinese_dragon

3. Дракон и феникс³⁷³.

4. Драконы. Фрагмент церемониального императорского облачения, Цинский период³⁷⁴.

³⁷³ Источник: http://www.red-ship.com/fenshui/dracon_i_fenix/

³⁷⁴ Источник: <http://www.beautimode.com/%E9%BE%8D%E8%A2%8D%E4%B8%8A%E7%9A%84%E7%A7%98%E5%AF%86-%E8%A7%A3%E7%A2%BC%E6%B8%85%E4%B9%BE%E9%9A%86%E9%BE%8D%E8%A2%8D/>

Приложение 2. Дракон в искусстве Японии.

1. Дракон. Кацусика Хокусай (яп. 葛飾 北斎, 1760– 1849)³⁷⁵.

2. Дракон. Кацусика Хокусай³⁷⁶.

³⁷⁵ Источник: https://en.wikipedia.org/wiki/Japanese_dragon

³⁷⁶ Источник: <https://ru.pinterest.com/pin/522769469225730545/>

3. Пара драконов, свернувшихся вокруг драгоценной жемчужины. Нэцукэ, слоновая кость, XIX в³⁷⁷.

³⁷⁷ Источник: <https://ru.pinterest.com/pin/380906080957924435/>

Приложение 3. Птица *фэн-хуан* в искусстве Китая.

1. Фэн-хуан на крыше храма Луншань (кит. 龍山寺 – Луншань-сы; построен в 1738 г., перестроен в 1919 –1924 гг.) в Тайбэе, Тайвань³⁷⁸.

2. Фэн-хуан, настенная роспись времён династии Ляо (907 – 1125)³⁷⁹.

³⁷⁸ Источник: <https://en.wikipedia.org/wiki/Fenghuang>

³⁷⁹ Источник: <http://robsofhonor.blogspot.ru/>

Приложение 4. Птица хо:-о: в Японии.

1. Зелёный японский фазан (лат. *Phasianus versicolor*)³⁸⁰.

2. Красный феникс (птица хо:-о:), японский фарфор³⁸¹.

³⁸⁰ Источник: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B5%D0%BB%D1%91%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D1%84%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD

³⁸¹ Источник: <http://www.onmarkproductions.com/html/ho-oo-phoenix.shtml>

3. «Панно Феникс», Кацусика Хокусай, 1835³⁸².

4. «Панно Феникс», фрагмент³⁸³.

³⁸² Источник: <http://www.mfa.org/collections/object/phoenix-26334>

³⁸³ Источник: <http://www.mfa.org/collections/object/phoenix-26334>

5. Деталь церемониального буддийского облачения с изображением китайского феникса, период Эдо (1603–1868)³⁸⁴.

³⁸⁴ Источник: <https://ru.pinterest.com/pin/444237950719108617/>